

«Детское чтение для сердца и разума»
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

6

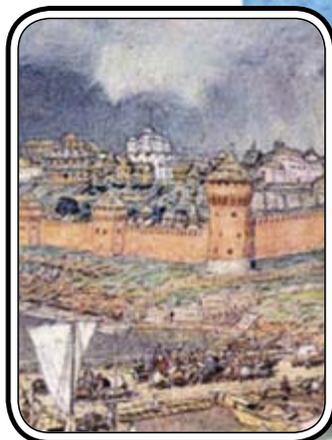

■ 2014 (180)

6+

РУССКИЙ МУЗЕУМ:
Фёдор Васильев

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Города Древней Руси

Виктор Астафьев

Бабушка с малиной

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник Н. Устинов

Александр Пушкин

* * *

*Румяной зарёю
Покрылся восток.
В селе, за рекою,
Потух огонёк.
Росой окропились
Цветы на полях.
Стада пробудились
На мягких лугах.
Седые туманы
Плывут к облакам,
Гусей караваны
Несутся к лугам.
Проснулись люди,
Спешат на поля,
Явилось солнце,
Ликует земля.*

А. Бенуа
Прогулка короля
1906 г.

В номере:

3

Виктор Астафьев

Бабушка с малиной

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

Выдающийся русский пейзажист: Фёдор Васильев

21

РАССКАЗЫ

Геннадий Киселёв

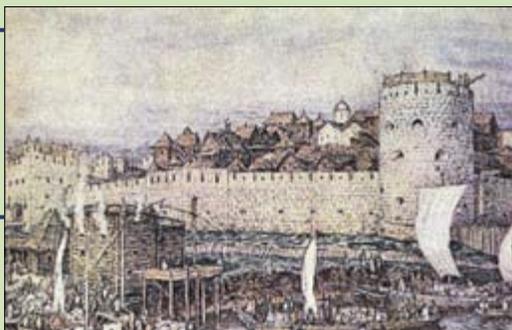
Лютый

25

УГОЛОК РОССИИ

Олег Трушин

Чуйский тракт

29

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Не по зубам

30

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Николай Храпов

Старая сказка на новый лад

32

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Илья Дюков

Города Древней Руси

34

БУХТИНЫ

Павел Гусев

Рассказы-горошины

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рошина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Зав. производством
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Корректор
Людмила Овчинникова

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Юрисконсульт
Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский
Печатный Двор»
(142300, Московской обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1)
Факс: 8 (496) 726-54-10,
Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела
продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru
e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 2055

© «Роман-газета», 2014 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Виктор Астафьев
Бабушка с малиной

Художник Н. Буканова

Песнопевица

В ту пору бакены были ещё деревянные, и держались они на деревянном угольнике. Вершины пирамидок белыми и красными маковками фонарей светились, а фонари эти вставлялись керосиновые лампы.

Днём отец наливал в лампы керосин из большого ржавого бидона, а Галка держала воронку и вкручивала горелки с фитилями в горла ламп. Потом она спускалась на берег и вместе с отцом мыла руки, шоркая их с песком, смешанным с галечником. И в маленьких ладошках хрустело, и руки делались белыми, но всё равно от них пахло керосином, и платёшечко её постоянно пахло керосином, и в избушке пахло керосином, и в лодке пахло керосином. С этим запахом Галка свыклась и не замечала его. Она свыклась и с жизнью в отдалённой избушке — без подружек, без детских игр. У неё была одна игра — в бакенщика. Но она не считала это игрой, она не играла — она работала бакенщиком.

Ещё солнце только-только упирало в горы и нижнюю часть его подравнивало дальней седловиной, а Галка уже начинала хлопотать. Она по деревянным ступенькам бегала вверх-вниз по крутому яру и носила в лодку лампы, вёсла, ведёрко — выплёскивать воду, две старые телогрейки — отцу и себе. Строго насупив белёдые бровки, стояла она у лодки и, тыкая пальцем, пересчитывала лампы, соображала, не забыли ли чего, и, подражая видом и голосом покойной матери, поворачивалась к избушке, кричала от реки:

— Ты долго ещё будешь там копать?

Отец громко кашлял в ответ и, хлопая широкими голенищами бродней, как крыльями, неторопливо спускался к лодке. Здесь он крутил сигарку и начинал пугливо хлопать себя по карманам.

— Опять спички забыл?! — суровела Галка и доставала из кармана старой телогрейки коробок серников. — На! Совсем у тебя памяти не стало!

Отец прикуривал из лодочкой сложенных ладоней и, незаметно улыбаясь, косил глазами на озабоченную, хмуро насупленную дочку с неумело заплетённой косой, мокреньким носом, в стоптанных сандалиях с белёсыми от воды носками. Он брал её на руки, усаживал на беседку и мимоходом, незаметно выдавив ей нос, набрасывал телогрейку на её спину с остренько выступавшими лопатками.

— Поплыли благословясь, — роняла по-старушечьи Галка.

Отец наваливался на лодку, сильно гнал её по камешнику, Галку часто откидывало назад и роняло с беседки.

— Эко! Эко! — барахталась она на дне лодки, выпрастывалась из телогрейки и ворчала: — Сила есть — ума не надо!

Отец в мокрых броднях ступал в лодку, поднимал Галку на беседку и, шатая лодку, шёл к корме, брал сначала кормовое весло, а затем шест и начинал поднимать лодку вверх по реке, до острова Заячьего, от ухвостья которого шла накосом в реку песчаная ягра — отмель, и отмель эту отмечал красный бакен.

И пока они хлопотали, собирались, поднимали лодку вверх по реке, вечер уж тихо опускался с гор. Он бесшумно выползал из глубоких распадков и перекрашивал весь мир — и речку, и лес, и горы — в свой вечерний свет.

Вечер казался Галке дедом, тихим, бородатым и молчаливым. Он курил трубку за горой, и оттого небо было там красное. Он шевелил бородой, почёсывался, и оттого колыхались тени скал в воде и шелестел осинник по горам. Деду было холодно в горах, и он с вершины сухой лиственницы глухо просил голосом филина шубу. Дед кряхтел и ворочался в лесу, укладываясь спать, и выколачивал трубку о старый сухой пень так, будто большой дятел стучал по нему.

Дед долго засыпал и успокаивался. Гасла его трубка — и остывало небо за горой. Дед дышал ноздрями распадков — и на реку оттуда выползали лёгкие полосы тумана. Они качались над водой и оседали в тальниках Заячьего острова.

Дед закрывал наконец-то глаза, не ворочался больше, не кряхтел — и всё кругом переставало шевелиться, стучать, и даже листья не хлопали ладошками, чтобы не беспокоить деда, потому что он хотя и тихий дед, а всё же сумрачный, угрюмо молчаливый, и что у него на уме, никто не знает.

Шест железным наконечником пощёлкивал о каменное дно, шумела носом лодка, толчками подаваясь встречь быстрой воде, и Галка опускала руку за борт, слышала, как щекочет её пальцы живая и тёплая перед ночью вода.

Кулички снимались с камней, обгоняли лодку, светясь белыми подкрылками, и стригли голосами привычную песню, которая веселила Галку: «Тити-вити, тити-вити, титивити...»

С Заячьей протоки, обросшей у берегов водяною чумою и копытником, шумно взбив воду, поднимались утки, но не все, поднимались лишь селезни, а матери с утятами бежали по воде врассыпную, прятались кто куда, и Галка хлопала ладонями, пугая утят и неизвестно почему радуясь, что они бегут в панике по воде, прячутся в листьях и крепко сидят там, думая, что их никто не видит. А утка с вызовом и бесстрашием то подплывала к лодке, то отлетала от неё, отвлекая таким образом опасность от детишек.

На ухвостье острова отец ненадолго останавливал лодку, и Галка выплёскивала воду, скребя по дну лодки сплюснутым ведёрком, а выплёскивая, начинала мурлыкать песню и видела, как утка собирала утят из-под листов и плыла по воде чуть впереди, всё ещё встревоженно покрякивая. А утята строем за нею, и строй в сумерках казался единым, и только след белёсый расходился на стороны, пошевеливая копытник.

Отец клал шест под ноги, брал вёсла, отталкивался от острова и начинал выгребать к верхнему бакену, держа нос лодки наповерх. Остров отдалялся. Горы, уже

слитые воедино, лес, в котором успокоился вечер-дед, — всё это оставалось за кормою. И простор реки, холодноватый и мирный, подхватывал Галку, нёс на мягких руках, покачивая и лаская.

*Бывало, спашешь пашенку,
Лошадок распрягё-ёшь,
А сам тро-о-пой знакомою
В заветный сад пойдё-ёшь... —*

запевала тоненьким голоском Галка и слышала одну себя и радовалась тому, что есть она, Галка, на этом свете, что отец слушал её и даже веслом негромко хлопал, чтобы слышать её лучше. И Галка пела, пела, уже забывши и про отца, и про лодку, и про деда, который хоть и привычен, а всё же жутковат, и пока он не уснёт, петь и кашлять было страшновато, неловко как-то.

Никаких детских песен Галка не знала, она жила тем, что переняла у взрослых, и песни её сплошь грустные, протяжные, и про любовь всё больше:

*В золотом садочке канарейка пела,
Пела так уныло, ой, голос раздавался-а-а...
Пела так уныло, ой, голос раздавался-а-а,
Молодой парнишка, ой, с девушкой про-ощался-а-а...*

И как он прощался, и как ей, девушке-то, горько было, когда она спрашивала: «Куда, милый, едешь, куда уезжаешь? На кого ты, милый, ой, меня спокоришь?..» Всё это Галка ровно бы и чувствовала и понимала, а потому и на сердце у неё делалось по-разному: то его слезами подтачивало, то озноб, возникший по коже, кололся хвоею в сердце, то вдруг тепло подкатывало к груди.

Отец ловился за бакен, вставлял в фонарь лампу, зажигал её и отпускал лодку. Её шатало, разворачивало течением, несло вниз по реке, и огонёк бакена, дружески моргая Галке, удалялся в темноту, и она пела ему, огоньку:

*В низенькой светёлке огонёк горит.
Молодая пряха у окна сидит...*

Голосишко у Галки становился тише, тише, слова уже она склеивала и зажёвывала, а головёнка её сморённо падала на грудь и пятнышком светилась в тёмной телогрейке среди тёмной лодки. Отец осторожно продвигался к беседке, бросал в нос лодки свою телогрейку, брал на руки Галку, бережно опускал её на одежку, прикрывал сверху другой телогрейкой, и Галка, протяжно, с облегчением вздохнув, подбирала под телогрейку ноги, ложилась щекой на руку и сладко засыпала.

Отец, покачав головой и грустно улыбнувшись в темноте, садился за лопаши и, поскрипывая уключинами, плыл от бакена к бакену, засветлял их и сплывал по течению к избушке. Сложив вёсла, уронив натруженные руки на колени, он курил, слушал ночь, себя, тосковал о жене, думал о дочке, которой надо бы мать, но мать её никогда уже не вернётся, а мачеха ещё какая попадётся.

Лодка, чуть слышно коснувшись берега, останавливалась. Отец забредал в воду, брался за уключины и подтаскивал её повыше, затем бросал окурки в воду и поднимал Галку из носа лодки, закутывал её в телогрейку и на руках нёс вверх по деревянным ступенькам к избушке.

Иногда Галка просыпалась и невнятно спрашивала:

— Мы уже приплыли?

— Приплыли, приплыли. Спи, песнопевица.

И отец прижимал её плотнее к себе, и она дышала ему в грудь маленьким, но добрым теплом, и хотелось ему сказать: «Родненькая ты моя, маленькая ты моя! Что бы я без тебя?..» Но он этого не умел сказать, а лишь останавливался на яру,

скрипуче прокашливал горло, сдавленное сладким горем, и ближе, крепче прижимал к себе дочку, ровно бы боясь остаться в одиночестве среди тёмной ночи, над тёмной рекой, на которой редко помигивали огни бакенов и где-то далеко ещё занималось шлёпанье плиц и пыхтенье буксирского парохода.

— Пароход идёт, — тихо говорил отец, слушая свой голос, — на твои огоньки, дочка, смотрит и не заблудится в потёмках...

Она и выросла там, в избушке бакенщика. Она и отца похоронила там, на травянистом взлобке, рядом с матерью. Работает она теперь в большом учреждении, за чертёжной доской, и, забывшись иногда, тоненько и грустно запекает:

*Куда, милый, едешь,
Куда уезжаешь?..*

И тогда сотрудники проектного отдела поднимают головы от столов, калек, чертёжных досок и с улыбкой поглядывают на эту беленькую, всегда почему-то молчаливую и грустную девушку, о которой мало кто знает, как она жила, где выросла, о чём думает. Вечером она часто выходит на набережную и, облокотившись на решётку, смотрит на реку, на мигалки-бакены с поплавочными железными туловищами, провожает глазами многооконные светлые пароходы с весёлой музыкой и чего-то ждёт. Может быть, ждёт, когда один из пароходов возьмёт её с собою, увезёт туда, где ей пристать захочется. Может быть, там, в темноте, светится тот единственный огонёк, живой и тёплый, о котором она мечтает так давно и так терпеливо.

Бабушка с малиной

На сто первом километре толпа ягодников штурмует поезд «Комарихинская — Тёплая гора». Поезд стоит здесь одну минуту. А ягодников тьма, и у всех посуда: кастрюли, ведра, корзины, бидоны. И вся посуда полна. Малины на Урале — бери не переберёшь. Шумит, волнуется народ, гремит и трещит посуда — поезд стоит всего минуту.

Но если бы поезд стоял полчаса, всё равно была бы давка и паника. Так уж устроены наши пассажиры — всем хочется быстрее попасть в вагон и там уж ворчать: «И чего стоит? Чего ждёт? Рабо-о-тнички!»

У одного вагона гвалта и суеты особенно много. В узкую дверь тамбура пытаются влезть штук тридцать ребятишек, и среди них копошится старушонка. Она остреньким плечом «режет массы», достигает подножки, цепляясь за неё. Кто-то из ребят хватает её под мышки, пытаясь втащить наверх. Бабка подпрыгивает, как петушок, взгромождается на подножку, и в это время случается авария. Да что там авария — трагедия! Самая настоящая трагедия. Берестяной туес, привязанный на груди платком, опрокидывается, и из него высыпается малина — вся, до единой ягодки.

Туес висит на груди, но уже вверх дном. Ягоды раскатились по щёбёнке, по рельсам, по подножке. Бабка оцепенела, схватилась за сердце. Машинист, уже просрочивший стоянку минуты на три, просигналил, и поезд тронулся. Последние ягодники прыгали на подножку, задевая бабку посудой. Она потрясённо смотрела на уплывающее красное пятно малины, расплеснувшееся по белой щёбёнке, и, восторженувшись, крикнула:

— Стойте! Родимые, подождите! Соберу!..

Но поезд уже набрал скорость. Красное пятно мелькнуло зарницею и погасло за последним вагоном. Проводница сочувственно сказала:

— Чего уж там собирать! Что с возу упало... Шла бы ты, бабушка, в вагон, а не висела на подножке.

Так, с болтающимся на груди туесом, и появилась бабка в вагоне. Потрясение всё ещё не сошло с её лица. Сухие, сморщенные губы дрожали и дрожали, руки,

так много и проворно работавшие в этот день, руки старой крестьянки и ягодницы, тоже тряслись.

Ей поспешно освободили место — да и не место, а всю скамейку — притихшие школьники, видимо всем классом выезжавшие по ягоды. Бабка молча села, заметила пустой туес, сорвала посудину вместе со стареньким платком через голову и сердито запихнула его пяткой под сиденье.

Сидит бабка одна на всей скамейке и неподвижно смотрит на пустой фонарь, подпрыгивающий на стене. Дверца у фонаря то открывается, то закрывается. Свечи в фонаре нет. И фонарь уже ни к чему. Поезд этот давно уже освещается электричеством, а фонарь просто запомнили снять, вот он и остался сиротой, и дверца у него болтается.

Пусто в фонаре. Пусто в туесе. Пусто у бабки на душе. А ведь ещё какой-то час назад она была совершенно счастлива. В кои-то веки поехала по ягоды, через силу лазила по чащобе и лесным завалам, быстро, со сноровкой собирала малину и хвастала ребятишкам, встретившимся ей в лесу:

«Я прежде проворная была! Ох, проворна! По два ведра малины в день насобирывала, а черницы либо брусники, да с совком, и поболее черпывала. Свету белого не видать мне, если вру», — уверяла бабка поражённых ребят. И — раз-раз незаметно так, под говорок, обирала малину с кустов. Дело у неё спорилось, и удобная старинная посудина быстро наполнялась.

Ловка бабка и на диво говорлива. Успела рассказать ребятам о том, что человек она ноне одинокий, пережила век родову. Прослезилась, помянув внука Юрочку, который погиб на войне, потому что был лихой парень и не иначе как на танку бросился, и тут же, смахнув платком слёзы с реденьких ресниц, затушила:

*В саду ягода малина
Под у-у-у-укрытием росла-а-а...*

И даже рукой плавно взмахнула. Должно быть, компанейская бабка когда-то была. Погуляла, попела на своём веку...

А теперь вот молчит, замкнулась. Горе у бабки. Предлагали ей школьники помощь — хотели взять туес и занести его в вагон — не дала. «Я уж сама, робятки, уж как-нибудь благословясь, сама, я ещё проворна, ух, проворна!»

Вот тебе и проворна! Вот тебе и сама! Была малина — нет малины.

На разъезде Коммуна-кряж в вагон вваливаются три рыбака. Они пристраивают в углу связки удочек с подсачниками, вешают на древние чугунные крючки вещмешки и усаживаются подле бабки, поскольку только подле неё есть свободные места.

Устроившись, они тут же грянули песню на мотив «Соловей, соловей — пташечка»:

*Калино, Лями, Лёвшино!
Комариха и Тёплая гора!..*

Рыбаки эти сами составили песню из названий здешних станций, и песня им, как видно, пришлась по душе. Они её повторяли раз за разом. Бабка с досадой косилась на рыбаков.

Молодой рыбак в соломенной драной шляпе крикнул бабке:

— Подтягивай, бабуль!

Бабка с сердцем плюнула, отвернулась и стала смотреть в окно. Один из школьников придвинулся к рыбаку и что-то шепнул ему на ухо.

— Ну-ну! — удивился рыбак и повернулся к бабке, всё так же отчуждённо и без интереса смотревшей в окно: — Как же это тебя, бабуль, угораздило?! Экая ты неловкая!

И тут бабка не выдержала, подскочила:

— Неловкая?! Ты больно ловкий! Я раньше, знаешь, какая была! Я ране... — Она потрясла перед рыбаком сухоньким кулачишком и так же внезапно сникла, как и взъерошилась.

Рыбак неловко прокашлялся. Его попутчики тоже прокашлялись и больше уже не запевали. Тот, что был в шляпе, подумал, подумал и, что-то обмыслив, хлопнул себя по лбу, будто комара пришиб, вскочил, двинулся по вагону, заглядывая к ребятам в посуду:

— А ну, показывай трофеи! Ого, молодец! С копной малины набрала, молодец!.. — похвалил он конопатую девочку в лыжных штанах. — И у тебя с копной!.. И у тебя!.. Молодцы! Молодцы! Знаете что, ребятки, — хитро, со значением прищурился рыбак, — подвиньтесь-ка ближе, и я вам очень интересное скажу на ухо.

Школьники потянулись к рыбаку. Он что-то пошептал им, подмигивая в сторону бабки, и лица у ребят просияли.

В вагоне всё разом оживилось. Школьники засуетились, заговорили. Из-под лавки был извлечён бабкин туес. Рыбак поставил его подле ног и дал команду:

— Налетай! Сыпь каждый по горсти. Не обедняете, а бабуле радость будет!

И потекла малина в туес, по горсти, по две. Девочка в лыжных штанах сняла «копну» со своего ведра.

Бабка протестовала:

— Чужого не возьму! Сроду чужим не пользовалась!

— Молчи, бабуль! — урезонил её рыбак. — Какое же это чужое? Ребята ж эти всё внуки твои. Хорошие ребята. Только догадка у них ещё слаба. Сыпь, хлопцы, сыпь, не робей!

И когда туес наполнили доверху, рыбак торжественно поставил его бабке на колени.

Она обняла посудину руками и, пошмыгивая носом, на котором поплясывала слеза, всё повторяла:

— Да милыя, да родимыя!.. Да зачем же это? Да куда мне столько? Да касатики вы мои!..

Туес был полон, даже с «копной».

Рыбаки снова грянули песню. Школьники тоже подхватили её:

*Эх, Калино, Лямино, Лёвшино!
Комариха и Тёплая гора!..*

Поезд летел к городу. Электровоз рывкнул озорно, словно бы выкрикивал: «Раздайся, народ! Бабку с малиной везу!» Колёса вагонов поддакивали: «Бабку! Бабку! С малиной! С малиной! Везу! Везу!»

А бабка сидела, прижав к груди туес с ягодами, слушала дурашливую песню и с улыбкой покачивала головой:

— И придумают же! Придумают же, лешие! И что за востроязыкий народ пошёл!..

Злодейка

Эту собаку зовут Злодейка, хотя ничего злодейского она не совершила. Получила она такое имя за усердие. Да, да, за усердие.

Есть люди, которые любят всякие совместительства, проще сказать, занимают по полдолжности, ну и, конечно, так и работают — серединка на половинку.

И на рыбалке тоже такое случается. Едет человек рыбачить, а ружьё с собой прихватит: авось, мол, рыбы наловлю и подстрелю чего-нибудь.

А рыбак, о котором я хочу рассказать, не только ружьё, но и собаку с собой прихватил, чтобы, так сказать, уж всё разом сделать: и порыбачить, и поохотиться, и собаку «натаскать».

Звали её Фишкой. Была она молоденькая, шустрая, с умильными глазами.

Хозяин её, Паша Усольцев, приехал на станцию Утёс, а оттуда к реке Усьве пошёл. Идти километров пять, лесом. Фишка всю дорогу по кустам металась, взвизгивала от радости, мышинные норки раскапывала. Иногда она подбегала к Паше и преданно, восторженно глядела на него: дескать, я так тебе благодарна, что и выразить не могу!

«Видно, показать ей свежий след на первый раз нужно, а потом уж пойдёт дело», — подумал Паша.

Нашёл он барсучью норку, поймал Фишку и сунул носом в рыхлую землю. Фишка понюхала, хвостом понимающе вильнула, ещё раз понюхала, а потом к хозяину обернулась. На носу у неё земляца, а в глазах восторг.

— Ищи, ищи! — приказал Паша.

Фишка взвизгнула и подала хозяину лапу — снова благодарила хозяина за все радости, доставленные ей, и за эту милую шутку.

Пнул Фишку Паша и больше не искал ей свежие следы: понял, что бесполезное это занятие.

На Усьве он сколотил плотик, положил рюкзак, посадил рядом с рюкзаком Фишку, ружьё пристроил возле своих ног и поплыл. Плывёт и хлещет спиннингом по воде, плывёт и хлещет. Поклёвок нет, только трава на блёсну цепляется.

Долго плыл Паша Усольцев и ничего не поймал. Пришёл он в окончательное уныние и стал ругать Фишку. Лениво ругал, так, от нечего делать. А она думала, что он с нею беседует на мирные темы, и хвостиком согласно повиливала.

Но вот и Красная глинка, крутой обрывистый берег с бурными обнажениями в вымоинах, поросший тощим лопухом и кое-где кипреем. Красная глинка километрах в восьми от города Чусового. Когда-то здесь водилась прорва рыбы. Но аммонал, острога, бот, мелкочейстые невода, мережи и другие браконьерские средства сделали своё дело — возле Красной глинки почти не осталось рыбы. Только по старой памяти городские рыбаки ходят сюда, иной раз собирается их здесь к ночи человек по двадцать.

Плёт возле Красной глинки глубокий, изогнутый дугой, а чуть ниже шумит стремительный пережат. Буйно плескались здесь когда-то таймени, хариусы, а в засаде возле упавших лесин и в траве стояли щуки, кормились в омутистой глубине язи и голавли. А теперь только изредка можно увидеть здесь в тихий вечер или на утренней зорьке, как серпом выбрасывается из воды яркопёрый таймень и оглушительно хлещет хвостом по воде.

Но трудно поймать тайменя возле Красной глинки. Очень уж умна стала рыба. Очень уж много раз брала она и срывалась, очень уж много видела на своём веку. Однако нет такого рыбака на свете, который бы не мечтал поймать ту рыбку, которая чуть было не попала к нему...

Вот и в тот раз спиннингов в десять обрабатывали рыбаки плёт. Каких только блёсен ни подбрасывали, как только ни ловчили — не брал таймень. Плескался, буйствовал, на виду рыбёшек гонял — и не брал. Устали рыбаки, махнули на это дело рукой, к костру подались.

В это время и выплыли из-за поворота на плотике Паша Усольцев и Фишка. Паша трудился, успевая сделать побольше забросов, пока его не пронесло по плёсу и не подхватило раскатистое течение на пережат.

— Брось, не старайся! — крикнули Паше ребята. — Мы уж тут каждый метр квадратно-гнездовым, пропашным и всякими разными способами обработали.

Паша не отвечал: Паша трудился, надеясь, что ему-то уж повезёт. Внезапно раздался треск катушки, и все увидели, как согнулось удилице в руках Паши, как он весь напрягся, шире ноги расставил, и началась борьба.

Таймень не давался Паше. Он был «битый», этот таймень, и, очевидно, не раз уж вывёртывался из трудного положения. Он стремительно бросался из стороны в сторону, вымётывался наверх и ныром уходил под плот.

Берег ревел. Каких только советов не подавал народ! Но Паша не отвечал, он боролся молчком.

А плот несло к пережату. Таймень ослаб. Паша подводил его ближе и ближе. Вот возле самого плота забился, забушевал речной богатырь, и тут Фишка, о которой все забыли, не выдержала, бросилась на тайменя сверху, как лев, ну и, конечно, сняла рыбку с якорька.

Паша подмотал катушкой блёсну, а Фишка выкарабкалась на плот и отряхнулась. Деловито так отряхнулась, с чувством — поработала.

Народ на берегу стонал от смеха. Паша глянул на Фишку и схватился за голову.

— Дур-р-рак! — вопил он. — Зачем, ну зачем я тебя взял с собой? Зачем?! — Это он спрашивал Фишку. — Злодейка ты! Чего ты наделала?!

Фишка виновато облизнулась и горестно взлаяла: дескать, хочешь всё как лучше сделать, а получается не так да не этак.

Плот подхватило бурным течением на пережате и быстро унесло. Паша рвал на себе волосы.

С тех пор Фишка стала Злодейкой.

Зачем я убил коростеля?

Это было давно, лет, может, сорок назад. Ранней осенью я возвращался с рыбалки по скошенному лугу и возле небольшой, за лето высохшей бочажины, поросшей тальником, увидел птицу.

Она услышала меня, присела в скошенной щетинке осоки, притаилась, но глаз мой чувствовала, пугалась его и вдруг бросилась бежать, неуклюже заваливаясь набок.

От мальчишки, как от гончей собаки, не надо убегать — непременно бросится он в погоню, разожжётся в нём дикий азарт. Берегись тогда живая душа!

Я догнал птицу в борозде и, слепой от погони, охотничьей страсти, захлестал её сырым удилицем.

Я взял в руку птицу с завядшим, вроде бы бескостным тельцем. Глаза её были прищемлены мёртвыми, бесцветными веками, шейка, будто прихваченный морозом лист, болталась. Перо на птице было желтовато, со ржавинкой по бокам, а спина словно бы темноватыми гнилушками посыпана.

Я узнал птицу — это был коростель. Дергач по-нашему. Все его друзья-дергачи покинули наши места, отправились в тёплые края — зимовать. А этот уйти не смог. У него не было одной лапки — в сенокос он попал под литовку. Вот потому-то он и бежал от меня так неуклюже, потому я и догнал его.

И худое, почти невесомое тельце птицы ли, нехитрая ли окраска, а может, и то, что без ноги была она, но до того мне сделалось жалко её, что стал я руками выгребать ямку в борозде и хоронить так просто, сдуру загубленную живность.

Я вырос в семье охотника и сам потом сделался охотником, но никогда не стрелял без надобности. С нетерпением и виной, уже закоренелой, каждое лето жду я домой, в русские края, коростелей.

Уже черёмуха отцвела, купава осыпалась, чемерица по четвёртому листу пустила, трава в стебель двинулась, ромашки по угорам сыпанули и соловьи на последнем издыхе допевают песни.

Но чего-то не хватает ещё раннему лету, чего-то недостаёт ему, чем-то недооформилось оно, что ли.

И вот однажды, в росное утро, за речкой, в лугах, покрытых ещё молодой травой, послышался скрип коростеля. Явился, бродяга! Добрался-таки! Дёргает-скрипит! Значит, лето полное началось, значит, сенокос скоро, значит, всё в порядке.

И всякий год вот так. Томлюсь и жду я коростеля, внушаю себе, что это тот давний дергач каким-то чудом уцелел и подаёт мне голос, прощая того несмышлёного, азартного парнишку.

Теперь я знаю, как трудна жизнь коростеля, как далеко ему добираться к нам, чтобы известить Россию о зачавшемся лете.

Зимует коростель в Африке и уже в апреле покидает её, торопится туда, «где зори маковые вянут, как жар забытого костра, где в голубом рассвете тонут зеленокудрые леса, где луг ещё косою не тронут, где васильковые глаза...». Идёт, чтобы свить гнездо и вывести потомство, выкормить его и поскорее унести ноги от губельной зимы.

Не приспособленная к полёту, но быстрая на бегу, птица эта вынуждена два раза в году перелетать Средиземное море. Много тысяч коростелей гибнет в пути, и особенно при перелёте через море.

Как идёт коростель, где, какими путями — мало кто знает. Лишь один город попадает на пути этих птиц — небольшой древний город на юге Франции. На гербе города изображён коростель. В те дни, когда идут коростели по городу, здесь никто не работает. Все люди справляют праздник и пекут из теста фигурки этой птицы, как у нас, на Руси, пекут жаворонков к их прилёту.

Птица коростель во французском старинном городе считается священной, и если бы я жил там в давние годы, меня приговорили бы к смерти.

Но я живу далеко от Франции. Много уже лет живу и всякого навидался. Был на войне, в людей стрелял, и они в меня стреляли.

Но отчего же, почему же, как заслышу я скрип коростеля за речкой, дрогнет моё сердце и снова навалится на меня одно застарелое мучение: зачем я убил коростеля? Зачем?

Капалуха

Мы приближались к альпийским уральским лугам, куда гнали колхозный скот на летнюю пастьбу.

Тайга поредела. Леса были сплошь хвойные, покоробленные ветрами и северной стужей. Лишь кое-где среди редколапых елей, пихт и лиственниц пошевеливали робкой лиственной берёзки и осинки, да меж деревьев развёртывал свитые улитками ветви папоротник.

Стадо телят и бычков втянулось на старую, заваленную деревьями просеку. Бычки и телята, да и мы тоже, шли медленно и устало, с трудом перебирались через сучковатый валежник.

В одном месте на просеку выдался небольшой бугорочек, сплошь затянутый бледнолистным доцветающим черничником. Зелёные пупырышки будущих черничных ягод выпустили чуть заметные серые былиночки-лепестки, и они как-то незаметно осыпались. Потом ягодка начнёт увеличиваться, багроветь, затем синеть и, наконец, делается чёрной, с седоватым налётом.

Вкусна ягода черника, когда созреет, но цветёт она скромно, пожалуй скромнее всех других ягодников.

У черничного бугорка поднялся шум. Побежали телята, задрав хвосты, закричали ребятишки, которые гнали скот вместе с нами.

Я поспешил к бугорку и увидел, как по нему с распущенными крыльями бегают кругами глухарка (охотники чаще называют её капалухой).

— Гнездо! Гнездо! — кричали ребята.

Я стал озираться по сторонам, ощупывать глазами черничный бугор, но никакого гнезда не видел.

— Да вот же, вот! — показали ребятишки на зелёную корягу, возле которой я стоял.

Я глянул, и сердце моё забилося от испуга — чуть было не наступил на гнездо. Нет, оно не на бугорке было свито, а посреди просеки, под упруго выдавшимся из земли корнем. Обросшая мхом со всех сторон и сверху тоже, затянутая седыми космами, эта неприметная хатка была приоткрыта в сторону черничного бугорка.

В хатке утеплённое мхом гнездо. В гнезде четыре рябоватых светло-коричневых яйца. Яйца чуть поменьше куриных. Я потрогал одно яйцо пальцем — оно было тёплое, почти горячее.

— Возьмём! — выдохнул мальчишка, стоявший рядом со мною.

— Зачем?

— Да так!

— А что будет с капалухой? Вы поглядите на неё!

Капалуха металась в стороне. Крылья у неё всё ещё разброшены, и она мела ими землю. На гнезде она сидела с распущенными крыльями, прикрывала своих бующих детей, сохраняла для них тепло. Потому и заостенели от неподвижности крылья птицы. Она пыталась и не могла взлететь. Наконец взлетела на ветку ели, села над нашими головами. И тут мы увидели, что живот у неё голый вплоть до шейки и на голой, пупыристой груди часто-часто трепещет кожа. Это от испуга, гнева и бесстрашия билось птичье сердце.

— А пух-то она выщипала сама и яйца греет голым животом, чтобы каждую каплю своего тепла отдать зарождающимся птицам, — сказал подошедший учитель.

— Это как наша мама. Она всё нам отдаёт. Всё, каждую капельку... — грустно, по-взрослому сказал кто-то из ребят и, должно быть застеснявшись этих нежных слов, произнесённых впервые в жизни, недовольно крикнул: — А ну пошли стадо догонять!

И все весело побежали от капалухино гнезда. Капалуха сидела на сучке, вытянув вслед нам шею. Но глаза её уже не следили за нами. Они целились на гнездо, и, как только мы немного отошли, она плавно слетела с дерева, заползла в гнездо, распустила крылья и замерла.

Глаза её начали затягиваться дре́мной плёнкой. Но вся она была настороже, вся напряжена. Сердце капалухи билось сильными толчками, наполняя теплом и жизнью четыре крупных яйца, из которых через неделю-две, а может, и через несколько дней появятся головастые глухарята.

Стрижонок Скрип

Стрижонок вылутился из яйца в тёмной норке и удивлённо пискнул. Ничего не было видно. Лишь далеко-далеко тускло мерцало пятнышко света. Стрижонок испугался этого света, плотнее приник к тёплой и мягкой маме-стрижихе. Она прижала его крылышком к себе. Он задремал, угревшись под крылом. Где-то шёл дождь, падали одна за другой капли. И стрижонок казалось, что это мама-стрижиха стучит клювом по скорлупе яйца. Она так же стучала, перед тем как выпустить его наружу.

Стрижонок проснулся оттого, что ему стало холодно. Он пошевелился и услышал, как вокруг него завопили и запищали голенькие стрижата, которых мама-стрижиха тоже выклевала из яиц.

А самой мамы не было.

— Скрип! — позвал её стрижонок.

— Скрип! Скрип! Скрип! — повторили за ним братья и сёстры.

Видно, всем понравилось, что они научились звать маму, и они громче и дружнее запищали:

— Скрип! Скрип! Скрип!

И тут далёкое пятнышко света потухло. Стрижата притихли.

— Скрип! — послышалось издалека.

«Так это же мама прилетела!» — догадались стрижата и запищали веселей.

Мама принесла в клюве капельку дождя и отдала её Скрипу — первому стрижонок.

Какая это была вкусная капля! Стрижонок Скрип проглотил её и пожалел, что капля такая маленькая.

— Скрип! — сказал он. Ещё, мол, хочу.

— Скрип-скрип! — радостно ответила мама-стрижиха. Сейчас, дескать, сейчас.

И опять её не стало. И опять стрижата тоскливо запищали. А первый стрижонок кричал громче всех. Ему очень уж понравилось, как мама-стрижиха поила его из клюва.

И когда снова закрылся свет вдали, он что было дух закричал:

— Скрип! — и даже полез навстречу маме. Но тут же был откинут крылом на место, да так бесцеремонно, что чуть было кверху лапками не опрокинулся. И каплю вторую мама-стрижиха отдала не ему, а другому стрижонку.

Обидно. Примолк стрижонок Скрип, рассердился на маму и братьев с сестрёнками, которые тоже, оказывается, хотели пить. Когда мама принесла мошку и отдала её другому стрижонку, Скрип попытался отнять её. Тогда мама-стрижиха так долбанула Скрипа клювом по голове, что у него пропала всякая охота отбирать еду у других.

Понял стрижонок, какая у них серьёзная и строгая мама. Её не разжалобишь писком.

Так начал жизнь в норке стрижонок Скрип вместе братьями и сёстрами.

Таких норок в глиняном берегу над рекой было очень много. В каждой норке жили стрижата, а точнее, ласточки береговушки. И были у них папы и мамы. А вот у стрижонка Скрипа папы не было. Его сшибли из рогатки мальчишки. Он упал в воду, и его унесло куда-то. Конечно, стрижата не знали об этом.

Маме-стрижихе было очень тяжело одной прокормить детей. Но она была хорошая мать. С рассвета и до вечера носилась она над берегом и водой, схватывала на лету мошек, комариков, дождевые капли. Приносила их детям. А мальчишки, сидевшие с удочками на берегу, думали, что стрижиха и все стрижи играют над рекой.

Стрижонок Скрип подросток. У него появились перья, и ему всё время хотелось есть. Иногда ему удавалось отобрать у братца или сестрёнки мошку, и тогда они жалобно и недовольно пищали. За это Скрипу попадало от мамы-стрижихи. Но ему так хотелось есть, так хотелось есть!

А ещё ему хотелось выглянуть из норки и посмотреть, что же оно там такое, дальше этого пятнышка света, откуда мама-стрижиха приносит еду и ветреные запахи на крыльях.

Пополз стрижонок Скрип. И чем дальше он полз, перебирая слабыми лапками, тем больше и ярче делался свет.

Боязно!

Но Скрип был храбрый стрижонок, он полз и полз.

Наверное, он выпал бы из норки и разбился, как разбиваются такие вот неразумные птенцы. Но тут появилась мама-стрижиха, схватила его, уволокла в глубь норки — и раз-раз его клювом по голове. Сказала сердито:

— Скрип-скрип! — и ещё по голове, и ещё по голове.

Очень рассердилась мама-стрижиха, очень сильно била Скрипа. Должно быть, там, за норкой, опасно, раз мама-стрижиха так волнуется. Конечно, откуда Скрипу было знать, сколько врагов у маленьких проворных стрижей!

Сидит на вершине берёзы страшный быстрый сокол и подстерегает их. Скоком-прыгом подходит к норкам клюватая ворона. Тихо ползёт меж камней чёрная гадюка.

Побольше подросток Скрип, догадываться стал об этом. Ему делалось жутко, когда там, за норкой, раздавалось пронзительное «тиу!». Тогда мама-стрижиха бросала всё, даже мошку или каплю воды, и, тоже крикнув грозное «тиу!», мчалась из норки.

И все стрижи с криком «тиу!» высыпали из норок и набрасывались на врага. Пусть этот враг хоть сокол, хоть коршун, хоть кто, пусть он хоть в сто раз больше стрижей, они всё равно не боялись его. Дружно налетали стрижи, все как один. Коршун и ворона скорей-скорей убирались в лес, а гадюка пряталась под камень и со страху шипела.

Однажды мама-стрижиха вылетела на битву с врагом — разбойником соколом.

Сокол был не только быстрым, но и хитрым. Он сделал вид, что отступает. Вожак стрижей — Белое брюшко — дал отбой, крикнув победоносное «тиу!». Но мама-стрижиха ещё гналась за соколом, чтобы уж навсегда отвадить его летать к стрижиным норкам.

Тут сокол круто развернулся, ударил маму-стрижиху и унёс в когтях. Только щепотка перьев кружилась в воздухе. Перья упали в воду, и их унесло...

Долго ждал стрижонок Скрип маму. Он звал её. И братцы и сестрёнки тоже звали. Мама-стрижиха не появлялась, не приносила еду.

Потускнело пятнышко света. Настала ночь. Утихло всё на реке. Утихли стрижи и стрижата, пригретые папами и мамами. И только Скрип был с братьями и сестрёнками без мамы. Сбились в кучу стрижата. Холодно без мамы, голодно. Видно, пропадать придётся.

Но Скрип ещё не знал, какой дружный народ стрижи! Ночью к ним нырнул вожак Белое брюшко, пощекотал птенцов клювом, обнял их крыльями, и они пригрелись, уснули. А когда рассвело, в норку к Скрипу наведальась соседка-стрижиха и принесла большого комара. Потом залетали ещё стрижи и стрижихи и приносили еду и капли воды. А на ночь к осиротевшим стрижатам снова прилетел вожак Белое брюшко.

Выросли стрижата. Не пропали. Пришла пора покидать им родную норку, как говорят, становиться на крыло — самим добывать себе пищу и строить свой дом.

Это было радостно и жутко!

Скрип помнит, как появился в норке вожак Белое брюшко. Вместо того чтобы дать ему мошку или капельку, он ухватил Скрипа за шиворот и поволок из норки. Скрип упирался, пищал. Белое брюшко не обращал внимания на писк Скрипа, подтащил его к устью норки и вытолкнул наружу.

Ну что было делать Скрипу! Не падать же! Он растопырил крылья и... полетел! И тут на него набросились все стрижи, старые и молодые. Все-все! И погнались его от норки всей стаей навстречу ветру, навстречу ослепительному солнцу.

— Скрип! Скрип! — испуганно закричал стрижонок, захлебнувшись ветром, и увидел под собою воду. — Скрип! Скрип!

«А если я упаду?» — с ужасом подумал он.

Но стрижи не давали ему упасть. Они гоняли его кругами над водой, над берегом, над лесом.

Потом крики стрижей остались позади. Свист крыльев и гомон птичий угасли. И тут стрижонок Скрип с удивлением увидел, что он уже сам, один, летает над рекой! И от этого сделалось так радостно, что он взмыл высоко-высоко и крикнул оттуда солнцу, реке, всему миру: «Скрип!» — и закружился, закружился над рекой, над лесом. Даже в облако один раз залетел. Но там ему не понравилось — темновато и одиноко. Он спикировал вниз и заскользил над водою, чуть не касаясь её брюшком.

А потом Скрип и сам стал помогать стрижам — вытаскивал из норок стрижат и тоже гнал их над рекой вместе со всеми стрижами и кричал:

— Скрип! Скрип! Держи его! Догоняй!..

И ему было весело смотреть, как метались и заполошно кричали молоденькие стрижата, обретая полёт, вечный полёт.

Скрип много съел в этот день мошек, много выпил воды. Ел и пил он жадно, потому что стрижи всегда в движении, всегда в полёте, и оттого надо им всё время есть, всё время пить. Но день кончился. Он ещё раз плюхнулся белым брюшком на воду, схватил капельку воды, отряхнулся и поспешил к своей норке. Но найти её не смог. Ведь снаружи он никогда не видел свою норку, а сейчас все норки казались ему одинаковыми. Норок много, разве их различишь?

Скрип сунулся в одну норку — не пускают, в другую — не пускают. Все стрижиные дома заняты. Что же делать? Не ночевать же на берегу? На берегу страшно. В норке лучше.

И Скрип начал делать свою норку. Выскребал глину остренькими когтями, выклёвывал её и уносил к воде, снова возвращался к яру и опять клевал, скрёб, а в землю подался чуть-чуть.

Устал Скрип, есть захотел и решил, что такой норки ему вполне хватит. Он немного покормился над рекой и завалился спать в свою совсем ещё не глубокую норку.

Неподалёку рыбачили мальчишки. Они пришли к стрижиному яру. Один мальчишка засунул руку в норку и вынул Скрипа. Что только пережил Скрип, пока его держали в руках и поглаживали, как ему казалось, громадными пальцами!

Но ничего попались ребятишки, хорошие, выпустили Скрипа. Он полетел над рекой и со страху крикнул:

— Тиу!

Все стрижи высыпали из норок, глядят — никого нет. Ребятишки уже ушли, сокол не летает. Чуть было не побиили стрижи Скрипа, но пожалели — молодой ещё.

Тут понял Скрип, что в маленькой норке не житьё, и принялся снова работать. Он так много раз подлетал к своей норке, чтобы унести глину, так пробивался в глубь яра, что норку эту отличал уже ото всех.

Как-то опять пришли мальчишки, засунули руку, чтобы вытащить Скрипа, а достать не могут. Скрип вертел головою и, должно быть, насмешливо думал: «Шалишь, братцы мальчишки! И вообще совесть надо иметь!»

Хорошо, спокойно жилось в своей норке. Теперь Скрип наедался и напивался досыта, сделался стремительным, сильным. Но вот отчего-то сделались беспокойными стрижи. Они почти не находились в норках, а всё летали, кружились, лепились на проводах и часами сидели молча, прижавшись один к одному. А потом с визгом рассыпались в разные стороны, присаживались к осенним лужам, заботливо клевали глину и снова сбивались в стаи, и снова тревожно кружились. Эта тревога передалась и Скрипу. Он стал ждать, сам не зная чего, и в конце августа, на рассвете, вдруг услышал призывный голос вожака Белое брюшко.

— Тиу! — крикнул вожак.

В голосе его на этот раз не было угрозы. Он звал в отлёт.

Взмыл Скрип и видит: всё небо клубится. Тучи стрижей летят к горизонту.

— Тиу! — звал вожак.

И стайка Скрипа помчалась вдаль, смешалась с другими стаями. Стрижей было так много, что они почти заслонили собой разгорающуюся в небе зарю.

— Скрип! Скрип! — тревожно и тоскливо кричали стрижи, прощаясь до следующего лета с родным краем.

— Скрип! До свидания! — крикнул и стрижонок Скрип и помчался за леса, за горы, за край земли.

— До свидания, Скрип! До свидания! Прилетай в свою норку! — кричали вслед Скрипу мальчишки-рыбаки.

Стрижи улетают в одну ночь и уносят с собою лето. Прилетают они в одну ночь и приносят с собою лето.

Скучно без стрижей на реке. Чего-то не хватает.

Где ты, маленький Скрип? В каких краях и странах? Возвращайся скорее! Приноси нам на крыльях лето!

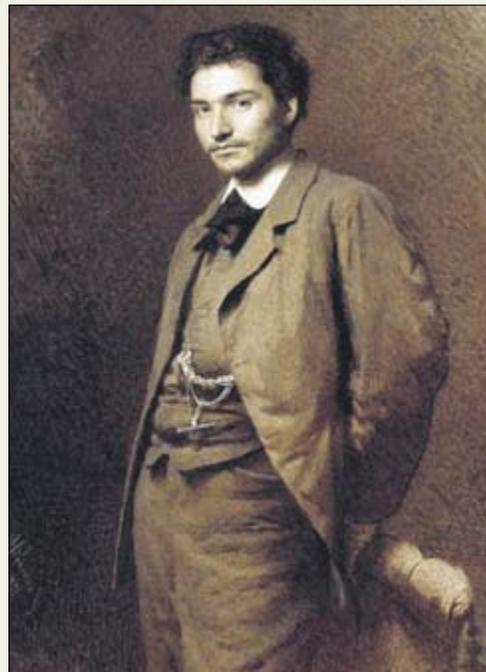

Фёдор ВАСИЛЬЕВ

Фёдор Александрович Васильев (10 февраля 1850 — 24 сентября 1873) родился в семье почтового служащего в Гатчине. С двенадцати лет он начал работать; на Главном почтамте Санкт-Петербурга, где он служил, ему платили три рубля в месяц. По вечерам, вернувшись, он занимался рисованием. Через три года он оставил службу и поступил в рисовальную школу при Обществе поощрения художников, где обучался с 1865-го по 1868 год. В это время молодой живописец совмещал занятия в школе с работой в реставрационной мастерской художника-преподавателя Академии художеств Петра Соколова.

В 1867 году он написал несколько этюдов с натуры на Валааме. Эти работы были выставлены в Обществе поощрения художников. Через два года Фёдор Васильев предпринял поездку по Волге, путешествовал он с Ильёй Репиным, где написал принесшие ему известность картины, пейзажи «Вид на Волге. Баржи», «Волжские лагуны», «Оттепель», «Зимний пейзаж».

Фёдор Васильев проявил себя как исключительно одарённый художник, в живописи которого образы природы обрели особую характерную поэтичность и глубину

И. Н. Крамской. Портрет художника
Ф. А. Васильева. 1871

Болото в лесу. Осень. 1871—1873

Оттепель. 1871

Вид на Волге. Барки. 1870

чувств. Картины молодого художника написаны в своеобразной манере, которой свойственны богатство и тональное единство цветовой гаммы, насыщенность, одухотворенность, романтическое восприятие природы. Эти черты проявились уже в ранних его работах, созданных в 1868–1869 годах, «Перед дождём», «Деревенская улица», «Возвращение стада».

Заброшенная мельница

В 1871 году Фёдор Васильев создаёт одно из основных своих произведений, «Оттепель». В следующем по предложению графа Строганова он проводит лето в его имениях в Воронежской и Харьковской губерниях. Затем едет в Крым, на средства Общества поощрения художников. Ранее он был принят вольноопределяющимся учеником Академии художеств, и ему было присвоено звание художника I степени.

В Крыму Фёдор Васильев провёл два года и, кроме множества рисунков, написал две картины, за которые в 1872 году ему была присуждена премия Общества, «Болото» и «Крымский вид». В 1873 году художник получил звание

Мостик через ручей. 1870

Мокрый луг. 1872

почётного вольного общника Академии художеств.

Среди самых значительных произведений Фёдора Васильева можно назвать «Приближение грозы», «Полдень», «Болото», «Вид на Волге», «Перед грозой», «Зимний пей-

заж», «Взморье», «Оттепель», «Зима», «Мокрый луг».

Фёдор Васильев — один из наиболее талантливых русских пейзажистов, произведения которого отличают особая поэтичность и совершенная цветовая гармония.

Геннадий Киселёв
Художник Н. Агафонова

Лютый

Витька с Толиком лежали в нагретой солнцем траве в тридцати шагах от высоченного забора, окружавшего Киреевский сад. Изредка за забором раздавалось глухое ворчание, переходившее в бухающий лай, к которому они сосредоточенно прислушивались.

— Это и есть Лютый? — испуганным шёпотом спросил Толик.

— Он самый. Кому же ещё там быть, — в тон ему ответил Витька.

— Такому попадёшься — от шорт одни клочья останутся, — поёжился Толик.

— Шортами не отделаешься, — важно сплюнул Витька. — От собственной шкуры клочков не останется! Так что, если ты дрейфишь...

— Сам не сдрейфь! — презрительно дёрнул плечом Толик.

— Замётано, — оценивающе посмотрел на него Витька. — Теперь устроим наблюдение. — Он вытащил из-за пазухи огромные очки в металлической оправе и натянул Толику на нос.

— Не видать ничего, — пожаловался тот, честно тараща глаза в толстенные линзы.

— Смотри, как следует, — легонько стукнул его по затылку Витька. — Когда бабка эти очки надевает, самый мелкий шрифт читать может. Папка эти очки из района привёз и сказал, что они всё в десять раз увеличивают. Так что бабке теперь муха на стене кукушкой покажется. Говори лучше, что видишь?

— Ничего... может, очки запылились?

— Дай сюда. — Витька взгромоздил очки, придерживая руками. — Туман какой-то... впрямь запылились. — Он с об-

легчением снял их и тщательно протёр стёкла о рубашку Толика. — У тебя она чище, — простодушно объяснил он попытавшемуся взбунтоваться другу и сунул их за майку. — Потеряем, мне бабка за них голову начисто оторвёт.

— Как это, оторвёт? — заулыбался Толик.

— Весёлого тут мало, — мрачно сказал Витька. — Ты хаханьки не строй, а лучше повтори, о чём мы договорились?

— Пожалуйста, — зачастил Толик, — Киреевы ложатся спать, мы с тобой встречаемся у моего дома, приходим сюда, ты мне показываешь лопнувшую доску, мы её с тобой расшатываем, лезем в сад и рвём яблоки.

— Замолотил, — перебил его Витька, — расшатываем, рвём, приносим бабке на варенье. Запомни главное — ровно в десять я тебе свистну.

— Зачем?

— Вылезешь в окно.

— Я же могу в дверь.

— А если бабка не пустит?

— Так я скажу ей, что хочу погулять перед сном.

— Поверит она тебе, — с насмешкой посмотрел на приятеля Витька. — Ты думаешь, до нас с тобой в деревне никто из пацанов по чужим садам в эту пору не лазал? Так что катись домой и затаись. А ровно в десять... — Витька сунул в рот пальцы и так свистнул, что Толик от неожиданности подпрыгнул.

— Даёшь... — только и смог вымолвить он, — как бы весь дом таким свистом не переполошить.

— Не бойся, — Витька снисходительно похлопал его по плечу, — тут народ ко всему привычный. Я-то что... вот у меня братан на одном конце села свистнет, на другом собаки с цепей рвутся. Ты только шорты свои моднячие снять не забудь. В трусах сподручнее по деревьям лазать будет.

По дороге домой Витька ещё раз прокрутил в голове все звенья задуманной операции. Как ни крути, а самым слабым местом был Толик. В другой раз Витька ни за какие коврижки не стал бы связываться с приехавшим на каникулы городским. Да момент выдался подходящий. Во-первых, в заборе Киреевых после вчерашней грозы треснула доска, и никто этого до сих пор не заметил. Иначе хозяйственный Киреев давно бы её залатал. Во-вторых, на селе поговаривали, что домочадцы на ночь собаку не отвязывали. Боялись её и сами подходили к ней с дубьём. А уж яблоки у них были высшей пробы. На базаре их расхватывали в момент. Обитатели дома яблочка в рот не брали. Старик Киреев не разрешал, каждая копейка шла в кубышечку.

Конечно, на это дело следовало бы взять кого-нибудь из своих, проверенных в подобных делах ребят. Но при одной только мысли, что хозяйское добро стережёт Лютый, верные друзья по набегам на чужие

сады и огороды сразу воротили физиономию в сторону. Старший брат вообще отмахнулся от Витьки, как от надоедливой мухи. По его глазам Витька видел, как ему хочется этих яблочек. Но ещё больше в этих же глазах было страха перед псом. Витька ехидно усмехнулся, мол, к лицу ли старшекласнику бояться какой-то собачки и так ронять себя перед учеником третьего класса... но, получив по шее, отвалил.

И когда Толик без колебаний принял его предложение, очень обрадовался, но приезжему этого не показал. Наоборот, всем своим видом дал понять, что связываться с таким ненадёжным человеком ему приходится не от хорошей жизни. И что львиная доля будущей добычи должна будет достаться именно ему — организатору, вдохновителю и главному участнику предстоящей операции. На что Толик согласился без долгих разговоров.

Когда совсем стемнело, две маленькие фигурки, избегая освещённых мест, вздрагивая при каждом шорохе, двинулись по направлению к Киреевскому саду. Добравшись до забора, они принялись методически ощупывать одну доску за другой, ежесекундно замирая, прислушиваясь к тому, что делалось за забором, и, не услышав ничего подозрительного, двигались дальше.

— Есть! — приглушённо воскликнул Витька. — Та самая, лопнувшая, помогай доску расшатывать.

Они принялись за дело.

— Лезь! — наконец пропыхтел Витька.

— А чего это я должен лезть? — опешил Толик. — Ты у нас главный, ты и давай. Я толком не знаю, куда идти-то надо.

— Бестолковый ты. У меня свой расчёт имеется.

— Какой такой расчёт?

— На себя посмотри! Ты ж настоящий скелет по комплекции. Запросто в эту дыру проскользнёшь. А я... глянь, нет, ты глянь... я ж здоровяк. Теперь соображай: ты пролез, а я застрял. Вот меня за собой и потянешь. Понял, умник?

Но Толик яростно замотал головой.

— Потому и умник, что сзади тебя лезть должен. Ты застрял, а я тебя туда и пропихну. Пикнуть не успеешь. Так правильнее будет.

— Я вот тебе дам сейчас по носу, сразу поймёшь, что правильно, что неправильно. Хитрован какой нашёлся! Лютый нас учует — первый во все лопатки драпанёшь.

— Ты не очень тут кулаками маши. Я тоже по носу могу. Я-то полезу, не побоюсь. Ты сам первый не драпани.

— Вот чудной, как же я первым драпану, если в дыре застряну, — примирительно сказал Витька. — Если быть беде, вместе погорим. Тут — или пан, или пропал. Лезь, Толян.

— Ладно, — буркнул Толик и легко проскользнул в дыру.

Витька, несмотря на свои уверения, без особого труда легко последовал за ним.

Перед ними сплошной стеной встали деревья. За спинами чёрными острыми зубьями в небо уходил забор. Витька потянул Толика за руку, и они поползли на четвереньках к ближайшему дереву.

— На верхушку сможешь залезть? — Витька оценивающе посмотрел на приятеля.

— Зачем на верхушку-то? Вот же они, рви сколько угодно. — И Толик восторженно провёл ладонью по налитому солнечным соком яблоку.

— Ты б ещё падалицу подобрал, — злобно сказал Витька. — Наверх полезем, там самый смак растёт!

— Ну, если смак, — вздохнул Толик, — тогда попробую.

— Залазь на меня.

— Зачем?

— Бестолковые вы, городские, — вздохнул Витька и присел, — на плечи мне вставай, хватайся за ветки и двигай, как умеешь.

Толик неуклюже вскарабкался ему на плечи, пошатнулся и, чтобы не упасть, ухватился за шершавый, сохранивший тепло дня ствол яблони.

— Да не дрожи ты, — прохрипел снизу Витька, — я сейчас подниматься буду, а ты цепляйся за ветки и лезь. Я следом за тобой.

— Вить, может не надо тебе так напрягаться, я сам потихонечку влезу, а ты...

— Я вот тебе дам — сам...

И тут ночь раскололась оглушительным собачьим лаем. Толик вмиг очутился на верхушке дерева. Через мгновение рядом уже сопел Витька.

— Влип... — тяжело переводя дыхание, проскулил он, — теперь я пропал.

— Почему только ты? — прерывисто спросил Толик. — Я тоже пропал.

— Тебе что, ты городской. С меня весь спрос будет. Отец за любой другой сад слово бы не сказал. За Киреевский выпорот как сидорову козу.

— Как это выпорот, побьёт, что ли? — изумился Толик.

— Не прикидывайся. Тебя что, никогда не лупцевали?

— Никогда! — с гордостью сказал Толик. — Дед поворчит, ну... мама отругает, если за дело. Но мы все втроём очень дружно живём.

— Чего я с таким мамсиком связался? Надо было одному лезть. Это он на твой голос примчался... — заканючил Витька.

— погоди, Вить, смотри. Собака лежит себе спокойно, даже хвостом потихоньку виляет, не лает уже. И ни капельки он не злой. Глянь, какая морда у него добрая.

— Прикидывается, — отмахнулся Витька, — ты попробуй, шевельнись.

Толик поднял руку.

Лютый напрягся и зарычал.

— Прекрати! Не дёргайся! А то взвоят, всё село перебудит.

Толик затих на мгновение и снова тронул приятеля за плечо.

— А что, если его отвлечь?

— Как это, отвлечь?

— А бросить яблоко вон в ту сторону. Он — за ним, а мы — в дыру.

— Попробуй! — оживился Витька.

Толик быстро сорвал и швырнул яблоко в противоположную сторону. Лютый даже ухом не повёл.

— Всё... — всхлипнул Витька, — мы тут до утра просидим. Утром придёт Киреев, сдаст меня отцу, будет мне порка. — Витька тихонько заплакал.

— Не будет тебе порки! — отчаянно выкрикнул Толик, зачем-то прикрыл глаза, спрыгнул с дерева и, не разбирая дороги, помчался в глубь сада. Пёс рванулся за ним. Витька оторопело посмотрел им вслед, затем слетел с дерева и, утирая на ходу сопли, кинулся к спасительному забору...

Услышав за спиной жаркое дыхание настаивающей его собаки, Толик бросился плашмя на землю и зачем-то заткнул ладонями уши. Лютый удивлённо остановился и, поводя боками, уставился на дрожащую спину мальчишки. «Разорвёт», — только успел подумать тот и ещё сильнее вжался маленьким телом в траву. Пёс задумчиво ткнул незадачливого воришку в спину, затем просунул свою узкую морду между его плечом и головой и мягко лизнул в ухо, словно хотел сказать: «Чего трясёшься, не бойся меня»...

Толик с трудом заставил себя повернуть голову и замер от изумления. Глаза пса светились искренним любопытством: «А ну, покажись, что ты за фрукт такой, охотник

до чужих яблок, любитель бегать со мной наперегонки?»

И мальчишка потянулся к собаке, несмело потёрся лбом о его холодный нос. Лютый лизнул его на этот раз в щёку. Толик отстранился от него, некоторое время они внимательно смотрели друг на друга — ревностный страж хозяйского добра и неудачливый похититель яблок. Лютый отвернулся, а Толик изо всех сил обхватил его за шею и прижался к пахнущей ночной свежестью шерсти.

— Лютый... — тихонько сказал он.

Тот вздрогнул, напрягся, будто попытался вникнуть в смысл имени, которого так боялись во всей округе.

— Нет, — улыбнулся ему Толик, — какой же ты Лютый? Враки всё это. Ты самый настоящий друг. Дружок! Ты меня понял?

Лютый отстранился, и Толик увидел, как в глубине бездонных зрачков пса мелькнула улыбка, адресованная ему. Затем, будто устыдившись не свойственной ему слабости, пёс мягко положил голову на плечо мальчишке.

Зашелестели листья. Рядом с ними упало яблоко и покатилось, резиново подпрыгивая по земле. Пёс прыгнул, поймал его и положил рядом с Толиком.

— Это мне? — смутился тот. — Спасибо.

Лютый дружески толкнул его в бок.

— Ты точно хочешь, чтоб я его взял?

Пёс вильнул хвостом. Толик снял майку, завязал её узлом, через минуту она была набита до отказа. Предутренний ветерок, прижигая холодом босые пятки, пронёсся по траве.

— Ой! Мне пора... — спохватился Толик.

Пёс исчез в темноте и опять появился с яблоком.

— Спасибо, хватит, я пойду, — вежливо сказал Толик и неуверенно двинулся в сторону забора.

Лютый застыл под яблоней и, с внезапно охватившей, непонятной ему обидой, печально посмотрел мальчику вслед. Толик подошёл к дыре, нагнулся, но, почувствовав этот взгляд, резко обернулся, вывалил на влажную траву все яблоки и срывающимся голосом крикнул:

— Лютый... Друг! Дружок! Пойдём!!

Пёс в два прыжка покрыл расстояние от яблони до Толика, и оба исчезли в светлеющей дыре забора.

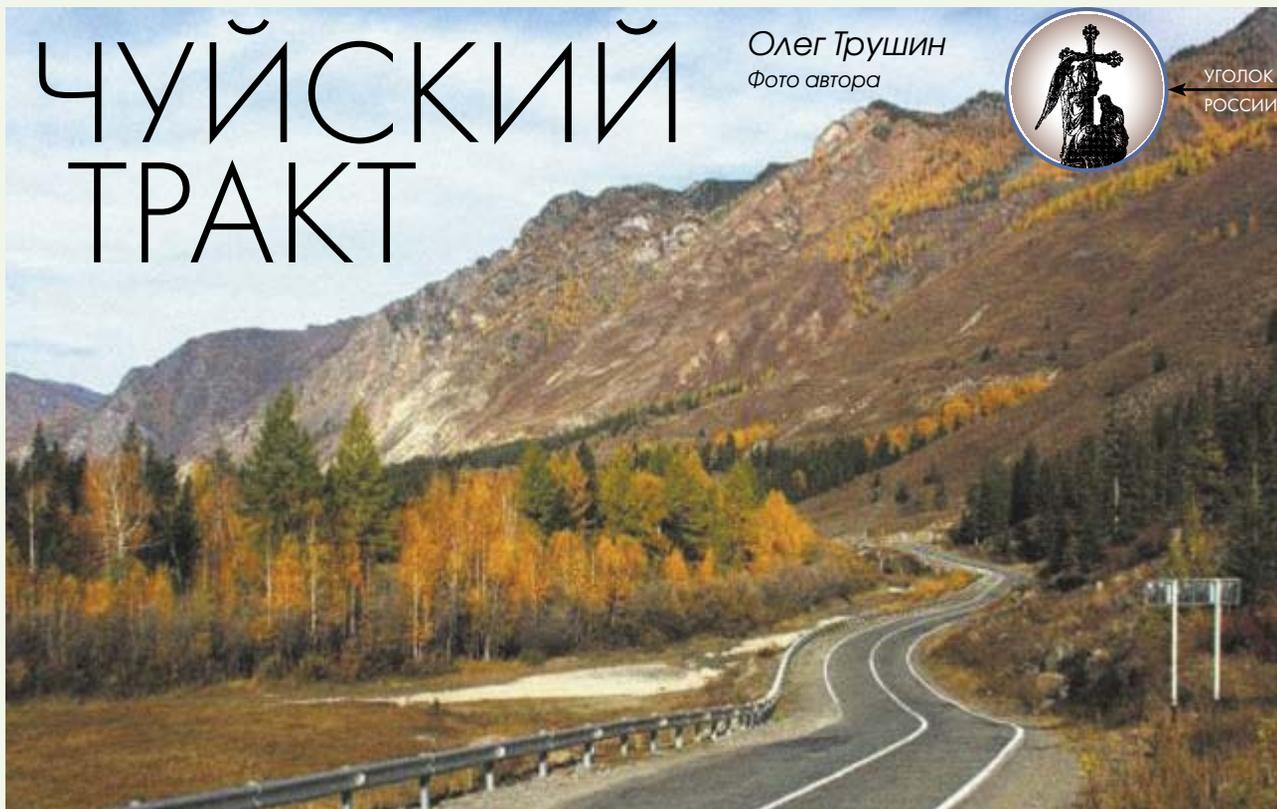

ЧУЙСКИЙ ТРАКТ

Олег Трушин
Фото автора

УГОЛОК
РОССИИ

До приезда на Алтай я имел весьма смутное представление о Чуйском тракте. Посмотришь на карту — много таких дорог, и чем этот тракт отличается от других, вовсе не известно. Конечно, задавался вопросом — почему называется не дорогой, а трактом, как по старинке. И в этом уже угадывалось что-то необычное, таинственное. Перечитал порядком литературу о Чуйском тракте, но, приехав на Алтай, понял, что чтобы проникнуться им, нужно непременно воочию познакомиться с ним, потому что Чуйский тракт — это не только асфальтовое полотно дороги, а это ещё и путь с которого видишь разный Алтай, словно смотришь увлекательный фильм, где одна увлекательная картинка сменяется другой, где горы и степи, тайга и высокогорные луга, реки и озёра дополняют друг друга, где ослепительное солнце, отражаясь в снегах горных вершин, несёт свой свет на разнотравье лугов. Там, где горные перевалы, захватывая дух путника, неторопливо взбираются вверх, открывая с высоты птичьего полёта то, что нельзя увидеть с предгорья — панораму горных хребтов, обнимающих долины. Но обо всём по порядку.

Совсем не далеко от местечка Сой-Сугат, что в горном Алтае, внимательный путник непременно заметит среди гористого раздолья участок старой горной дороги. Уплотнённый с отвала камнями всего-то шириной в гужевую повозку, этот тракт давненько

уступил место современному, выстроеному уже в середине XX века.

Чуйский тракт. Его вполне можно было бы назвать великой стройкой двух веков, поставив наравне с Транссибом, БАМом и дорогами Крайнего Севера. Он словно «дорога жизни», уворачиваясь на перевалах от камнепадов, преодолевая крутизну отвесных скал, тянется от равнинного Алтая к границе Монголии, преодолевая горы, порожистые реки, местами вторя изгибам рек Чуи и Катуну. Тракт будто бы сам есть каменная река — настолько он вертляв и изворотлив петлями своих поворотов, заставляя восхищаться каждой своей верстой. Его большая часть окружена горами, то подходящими вплотную, словно стараясь спихнуть тракт в реку, то вновь отпуская его на «волю». Таёжные алтайские леса, кедрачи и лиственничники, светлые березняки вдоль шумных ручьёв. И оленные камни-святилища древних народов, что жили кочуя в этих местах много веков тому назад, охраняют покой Чуйского тракта от злых духов. И любопытные суслики, стоящие столбиками в придорожной степи, встречающие и провожающие тех, кто явился в этот загадочный край, избрав для себя вёрсты Чуйского тракта.

Протянулся Чуйский тракт по двум районам — Кош-Агаческом и Онгудайском на шестьсот с лишним вёрст. Говорят, что на Алтае время меряется, а путь в сто вёрст и вовсе не путь, а так — расстояние. И действ-

вительно, чтобы добраться от Ташанты до Бийска, до единственной в этих краях железнодорожной станции, нужно преодолеть не одну сотню вёрст, преодолевая перевалы, степи, водные преграды.

Известная ещё со времён могущественного хана Золотой Орды Тамерлана, на протяжении веков дорога через горный Ал-

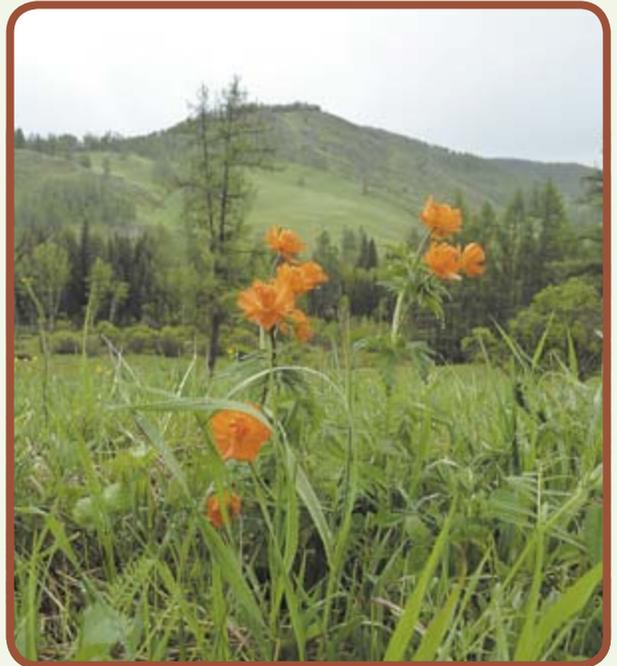
тай была тропой воинов-кочевников, скифов, джунгар, тропой первых торговцев знаменитого Шёлкового пути. Тогда, в эпоху древних кочевников, тропа, по которой впоследствии был проложен Чуйский тракт, именовалась Мунгальской дорогой. И прошло немало времени, пока конка не превратилась в дорогу.

Первые упоминания о Чуйском тракте относятся к концу царствования императрицы Екатерины Великой. Именно в это время русские купцы в надежде отыскать для себя новые торговые пути устремляются в Курайскую степь, к границам Монголии.

Это была самая настоящая тропа опасности. Можно было запросто погибнуть под камнепадом или, не удержавшись на каменном откосе, оступившись, сорваться в низ. Горные дороги не терпят вседозволенности и заигрывания с ними. Местами тропа была настолько узкой, что пройти её могли только лошади в один шаг. И путник садясь на коня, рисковал ещё больше, преодолевая этот нелёгкий маршрут, в полном смысле полагаясь на четвероногого друга и волю горных духов.

Для того чтобы Чуйскому тракту стать таким, каков он сегодня, прошла по его маршруту не одна изыскательная экспедиция. Военные инженера-техники решали, как верно спроектировать дорогу, по которой могли бы свободно передвигаться повозки. Для этого было необходимо расширить дорогу отвоевав пространство у гор, причём

местами изменив маршрут. На помощь строителям пришли сапёры, и загремели по старому гужевому тракту взрывы, срывающие отвесные скалы-бомы, прокладывающие ложбины в горных отрогах. Так усилиями специалистов горного дела, сапёров и строителей — жителей алтайских деревень к началу XX века выючная тропа преврати-

лась в колёсную дорогу, по которой можно было более уверенно передвигаться гужевым повозкам. В тех местах, где дорогу преграждали реки, наводили паромы.

Строительство Чуйского тракта крепко связано с именем Вячеслава Яковлевича Шишкова — известного русского писателя, а в начале XX века обычного техника путей сообщения Томского округа. Тем, кто поедет по Чуйскому тракту у Манжерока, обязательно укажут на памятник Вячеславу Яковлевичу, что установлен на самом берегу Катуня. Памятник не замысловат и прост в оформлении. На белой стеле, что чуть выше человеческого роста, установлен бюст писателя в обрамлении чёрного барельефа из меди. «Вячеславу Шишкову — большому советскому писателю, изыскателю Чуйского тракта». Памятник есть благодарность потомков спустя десятилетия. Именно результаты обследования, проведённые экспедицией под руководством Шишкова в 1914 году, и были положены в основу нового строительства Чуйского тракта, начавшегося уже в 20-х годах XX века. Хотя и дала река Чuya название тракту, но по новому замыслу строителей предполагалось выстроить его большей частью по правобережью реки Ка-

туни. Но и старую часть тракта не бросать, а соединить их на полпути.

Чуйский тракт — дорога покорённых скал и степей. Дорога романтиков и путешественников, очарованных красотами русского Алтая. (Не будем забывать, что Алтай «наступил» ещё и на Китай с Монголией, потому есть ещё иной Алтай, за пределами России).

Вольность Чуйского тракта явно ощущается в его раздольном беге. Слово тракт подарок самой природы, чтобы видеть красоты этого края. Где нужно, он приостанавливается, «сдавая» на упрямых крутых поворотах, давая возможность внимательнее пробежаться взглядом по окресту.

Хоть и называется тракт Чуйским, но первой встречает его Катунь, спешащая к Оби. Эта встреча прямо у Бийского моста. Ведёт Катунь тракт ни мало ни много, а добрую половину пути, лишь на время отступая, отдавая тракт во власть гор.

Встречаются на Чуйском тракте и многочисленные озёра, какие с именем, а какие и без. Реки, что бегут в низ с горных вершин, играя на каменистых распадках. На Алтае нет спокойных рек — тон их течению задают горы. Говорливые так, что шум их вод слышен не на одну версту. Большинство рек, что «натываются» на Чуйский тракт, можно перейти вброд, ощущая босыми ногами приятную игру «кипящих» вод. Но есть и такие, где глубина такая, что и роста человеческого не хватит, чтобы её измерить. На таких реках без лодки не обойтись. Да и плыть на них нужна определённая сноровка — уж слишком порожистые они. А какие чудесные названия этих рек — Берёзовка, Улюта... Есть и совсем таинственные, как, скажем, к примеру, Большой и Малый Ильгумень или Садаклар. Пришедшие к нам из глубины веков названия рек, сегодня удивляют слух, мысленно провожая в прошлое.

На полпути Чуйского тракта объединяют свои воды Катунь с Чуей. С высокого холма хорошо видно, как мутные, илистые воды Чуи стремительным потоком врываются в русло Катунь. Крепко играет здесь водица. Шумит. Воды Чуи, словно натываясь на крепкую преграду, стараются взять верхом бурный поток величественной Катунь, но,

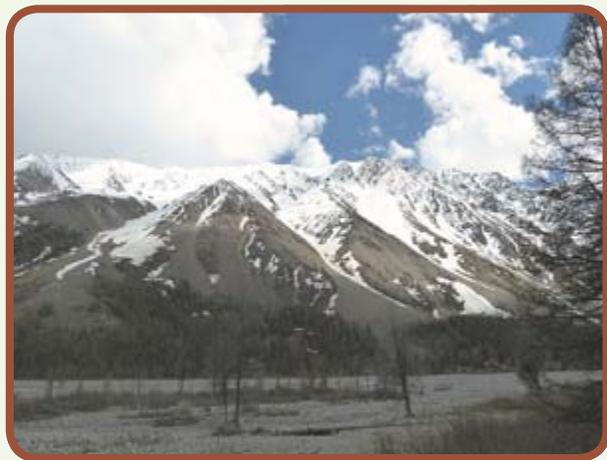
оступившись, ныряют в её воды. Можно часами смотреть на это сватовство двух крупных алтайских рек, которые обступили скалы, играющие фиолетовой дымкой теней, то принимая на себя солнечные лучи, то вновь отпуская их, мрачней, становясь угрюмее. Смотреть, как кружит над руслами рек остроглазое коршунье, высматривая с поднебесья добычу, и как поднимается на крыло стонутая с берега пара степных журавлей-красавок. И есть в этой картине природы непревзойдённая сила могущества бытия, порождённая тысячелетиями лет тому назад вопреки воли человека.

Каменистый берег, почти обрывом кидющийся вниз, выжженный солнцем, едва держащий на себе редкую растительность. Вихор аютиных глазок нежно голубого цвета на каменистом уступе берега смотрится ярким пятном, словно слезинка, упавшая с поднебесья. Трясогузка, покачивая долгим хвостиком, пробежала краем уступа и слетела вниз к воде, тотчас потерявшись из виду. Здесь вдалеке от шумной цивилизации Чуйский тракт особенно молчалив.

Много перевалов на горных алтайских дорогах. Есть они и на Чуйском тракте. Первым встречает путников Семинский перевал. В переводе с алтайского Семинский перевал — «вечная гора»

Почти незаметно, без резких подъёмов, играючи забирает он ввысь. Хорошо ощущаешь, что машина настойчиво и напряжённо идёт в гору. Всё по дороге от Бийска было —

и яркое ослепительное солнце, нагнетающее нестерпимую жару, и проливной дождь, временами такой, что словно наша машина попадала под самый настоящий водяной залп — дворники не успевали работать. А вот на Семинском перевале и вовсе зимой повеяло. Поторопился — вышел из салона в одной рубашке и тотчас ощутил пронизыва-

ющий холодный ветер горных вершин, выхоженный снегами, что не сходят тут до самого пика лета. Снеговые языки, спускающиеся по ложбинам хребта, напоминали о минувшей суровой зиме. Прямо у тракта плотные снежные сугробы слежавшегося за долгую зиму снега. Снегозаградители, что выстроены из высокого частокола, несколько сдерживают напор снежных выюг, ограждая тракт от снегового перемета.

Гора Сарлык как на ладони. Похожая на гигантское седло с богатырского коня, протянулась она более чем на сто вёрст. Редкий лесок, взбирающийся по горе ввысь, скоро «замирает», открывая безлесье и каменные осыпи.

На Семинском перевале царство кедра. Кедрачи поднимаются сюда вослед чистому воздуху. Кедровая роща из огромных кедровых кряжей подходит к самому тракту, словно стараясь закрыть его плотной стеной от суровых ветров. Кедр на перевале богатырю подобен — мощная крона, крепкие ветви. Примечаю на одном из кедров на нижних ветвях множество светлых тесёмочек. Это жертвенные ленточки — древнейшая традиция алтайцев, берущая своё начало из времён неизвестных. Испокон веков природа для алтайцев была храмом. С ней разговаривали, её одаривали, с ней бок о бок жили и умирали. Ленточки белого, голубого и жёлтого цветов есть своеобразный поклон алтайцев природе, духам перевалов.

Семинский перевал — это не только рубеж Северного и Центрального Алтая. Это ещё и своего рода памятник истории. На самой верхней точке перевала, прямо у тракта установлен памятный обелиск в честь 200-летия вхождения Алтая в состав России. Установлен сей знак в далёком 1956 году. На стеле надпись: «1756–1956.

200-летие добровольного вхождения Алтайского народа в состав России». Почётная и знаменательная дата. Проехать и не остановиться у этого обелиска просто не возможно.

Перевалив за Семинский хребет, не скоро Чуйский тракт врывается в степи. В окружении горных вершин, кедрово-лиственничной тайги потянется он вдаль, одолевая нелёгкий путь. И вскоре новый перевал встанет на его пути. Чике-Таман. Если подъём на Семинский перевал не отличается серпантинном петель и глубокими каньонами, то вот подъём на Чике-Таман даёт возможность увидеть «хвост» своего собственного автомобиля — настолько крута и витиевата здесь горная трасса.

От селца Хабаровка начинается этот самый трудный участок Чуйского тракта. Катунь уже давненько отступила от тракта и лишь вновь встретит его за селением Купчетень. А здесь у Чике-Тамана, в долине рек Малый и Большой Ильгумень Чуйский тракт, преодолевая крутой вираж, уходит вверх, прижимаясь к гранитным скалам, осторожничая там, где скалы обрываются в глубокие обрывы.

И вот он пик перевала. Взору открывается утопающая в зелени долина и петля Чуйского тракта, скрывающаяся за массивом скалы. Курящийся туман, оседающий в лож-

бины меж скал, и сизая дымка марева, зависшая над горными грядами. И море тайги, спускающейся со спин хребтов к самому подножию.

Пока взбирались на перевал, зарядил дождь, подгоняемый грозовыми раскатами. Горные хребты тотчас нахлобучились пеленой туч. Но накрывший нас дождь был не долгов. Тучи отступили, и как-то разом всё проявилось.

Поднимаюсь по едва заметной тропке, что тянется среди плотного подлеска из молодых кедров и лиственниц. Жёлтые ирисы, незабудки и невысокие кусты диких пионов с нахлобученными мохнатыми шапками бутонов. Через птичье щебетание хорошо слышу знакомое: «Тиу-ти-ти, ти-у-у-ти». Рябчик. Мелодичный посвист этого лесного петушка-отшельника не спутаешь ни с какой лесной птицей. Остановился. Слушаю, не взлетит ли где. Нет. Лишь по-прежнему выдаёт себя нежной свирелькой, сидя где-то в густом подлеске. Слушая лес, заметил для себя, что в его глубине совсем не слышно Чуйского тракта. Вот он вроде бы и совсем близко. И... словно его и нет.

С Чике-Тамана Чуйский тракт вновь навис над Катунью, выложив свой путь по отвесным скалам. Лишь в Курайской и Чуйской степях, там, где играют гулливые ветры горных ложбин, успокаивается, укладываясь в ложбину, от того и выглядит он здесь иначе, потеряв свой нор. Степные доли и единичные сёла алтайцев, словно затерявшиеся среди всего этого царства первозданной природы. Журавли-красавки, неторопливо летящие над степью, над каменными курганами тюркских кочевников, над холмами и шумливыми реками. Десятки дорог, теряющих своё направление в степи, срываются с Чуйского тракта за Кураем, пропадая в её вольном просторе.

Чуйский тракт — один путь, но такой разный, вобравший в себя всю красоту Алтая. Он есть легенда горных дорог, артерия жизни, связующее звено между таинственной природой Алтая и большой землёй.

← ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Художник С. Крестовский

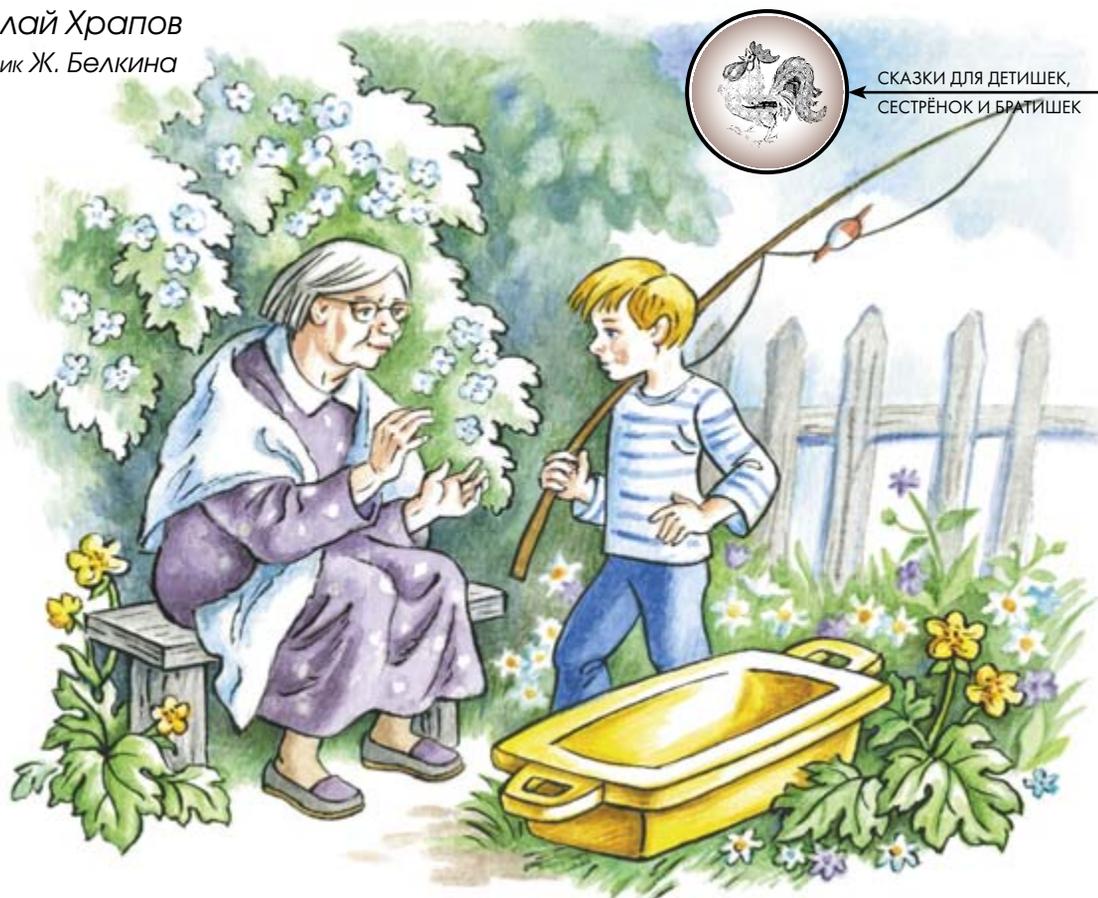
Не по зубам

Крестьянская еда, как правило, была не слишком жёсткой, «щи да каша — пища наша», пареная репа, овсяный кисель — всё это не те блюда, которым требуются здоровые зубы. Даже чёрствую корку можно было размочить, сделав тюрьку, а не жамкать её дёснами. Хотя случались яства, к которым без крепких зубов и не подступишься.

Чай пили вприкуску — недаром родилась поговорка: «Не твоим зубам сахар есть». Любимым лакомством ребятни были орехи и пряники, которые пока доедут до малолетнего потребителя, сто раз успеют окаменеть. На солонину шёл, как правило, старый непродуктивный скот, так что убойна из богатых щей, сколько их ни уваривай, тоже не всякому по зубам. То есть, зубы требовались для лакомых и дорогих кушаний. Из этой парадоксальной ситуации и родилось выражение с двойным смыслом.

Если какая-то задача человеку не по зубам, значит, справиться он с нею не может, да никто это ему особо и не предлагает.

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Старая сказка на новый лад

Жили в маленьком домике у самого синего моря бабушка и внук. Мальчик, как и все дети, ходил в школу, а его бабушка, отработав положенный срок, находилась на пенсии. Жили они не богато, пенсия была небольшой.

Однажды случилась неприятность — сломалась стиральная машина. Пришел мастер, осмотрел неисправную машину и сказал:

— Вам надо новую стиральную машину покупать. Старая ремонту не подлежит.

Огорчилась бабушка. Денег на покупку у них не было. Внук тоже огорчился и решил хоть чем-нибудь порадовать любимую бабушку. Взял удочку и пошёл к синему морю. «Наловлю рыбу, сварим уху, может, веселее станет в доме». Забросил мальчик удочку, натянулась леска, значит, рыба клюнула. Вытащил он свою добычу из воды. Смотрит, а на крючок маленькая рыбка попала, да не простая, вся в золотой чешуе. Мальчику жалко стало красивую рыбку. Отцепил он её от крючка и бросил обратно в воду. Заволновалось синее море и вынесло на поверхность золотую рыбку.

— Спасибо тебе, мальчик. Пожалел ты меня, обратно в море отпустил. За добро добром отплачу, три твоих желания исполню.

Обрадовался мальчик и попросил золотую рыбку подарить им новую стиральную машину. Замерло синее море, перестало на берег волны выносить.

— Не могу я твоё желание выполнить, на инженера не училась, в технике не разбираюсь. Могу только новое корыто подарить. Выбирай какое хочешь: деревянное, медное или золотое.

Мальчик загрузил. Он так хотел бабушку новой стиральной машиной порадовать. Теперь ей придётся руками стирать бельё в корыте.

— Ладно, — говорит. — Подари нам золотое корыто.

— Ступай домой. Твое желание будет исполнено, — молвила рыбка и исчезла в пучине.

Прибежал мальчик домой. На крыльце лежит золотое корыто. Рядом стоит бабушка и смотрит на него удивленными глазами.

— Бабушка, бабушка! Это тебе подарок от золотой рыбки, — закричал внук и рассказал, как всё произошло.

— Эх, внучек, внучек! Как же я этим корытом пользоваться буду?! Ты уже большой, в школу ходишь и должен знать, что

золото — тяжелый металл. Я золотое корыто поднять не смогу.

— А может, его в скупку сдать? Мы за него много денег получим: и на новую стиральную машину хватит, и на многое другое.

— Что ты! Что ты! — замахала руками бабушка. Узнают о нашем богатстве плохие люди, тогда до беды недалеко. Лучше я куплю в магазине пластмассовое корыто, а золотое пусть рыбка заберёт обратно. И попроси её крышу на доме починить.

— Это легко сделать, у меня в запасе ещё два желания есть, — ответил внук и побежал к берегу. Стал он звать золотую рыбку. Выплыла рыбка из морской пучины и спрашивает:

— Чего тебе надобно, мальчик?

— Золотая рыбка, старый у нас домик, маленький, и крыша протекает. Можешь ли ты построить вместо него особняк в три этажа, по пять комнат на каждом, с верандой и подземным гаражом?

— Нет ничего проще, — ответила рыбка. — Я могу и дворец возвести.

Задумался мальчик.

— Дворец на нашем участке не поместится. Построй особняк.

— Будет по твоему, — пообещала рыбка и скрылась среди волн.

Вернулся мальчик обратно, а в их дворе трехэтажный дом высится, новыми окнами сверкает. Посреди двора бабушка стоит, грустная, грустная.

— Что же ты наделал, внучек? Я тебя просила, чтоб золотая рыбка в нашем доме крышу починила, а ты домище выпросил. А не подумал, кто в таком большом доме убираться будет. Стара я стала, мне одной с пятнадцатью комнатами не справиться и на третий этаж трудно подниматься. А гараж нам вообще не нужен. Кроме твоего игрушечного грузовика там ставить нечего.

— Я хотел как лучше.

— Лучше... Лучше будет, если ты пойдешь к синему морю и попросишь у золотой рыбки, чтобы она позволила мне загадать три желания и самой их исполнить.

Снова отправился внук к синему морю. А по нему большие волны ходят, вот-вот буря начнется. Не дожидаясь вызова, вынырнула золотая рыбка и спрашивает:

— Какое будет твоё последнее желание?

Мальчик рассказал о бабушкиной просьбе. Нахмурилось небо: серые тучи завлокли его от края до края. Подул холодный ветер, и волны с грохотом обрушились на

берег, обдав мальчика солёными брызгами. Рассердилась рыбка.

— А не хочет ли твоя бабушка стать владычицей морской?

— Нет, — ответил мальчик. — Занять такой важный пост она не согласится. Бабушка своё отработала.

Стих пронизывающий ветер, разбежались серые тучи, и выглянуло солнце.

— Ладно, — сказала золотая рыбка. — Я исполню просьбу твоей бабушки. Но знай, если она пожелает, чтобы я была у неё на побегушках, то вы останетесь у разбитого корыта.

Заволновался мальчик, что бабушка делает что-нибудь не так, и поспешил домой. Забежал во двор и видит: домик отремонтирован, крыша на нём новая и солнечными панелями покрыта. А на крыльце стоит бабушка и хитро улыбается.

— Бабушка, — закричал внук, — только ты не пожелай, чтобы золотая рыбка находилась у тебя на побегушках!

— Не беспокойся, внучек, я эту сказку не забыла. Видишь, какая у нас крыша! Теперь нам не придётся за электричество платить. Панели на крыше будут солнечную энергию в электрический ток преобразовывать.

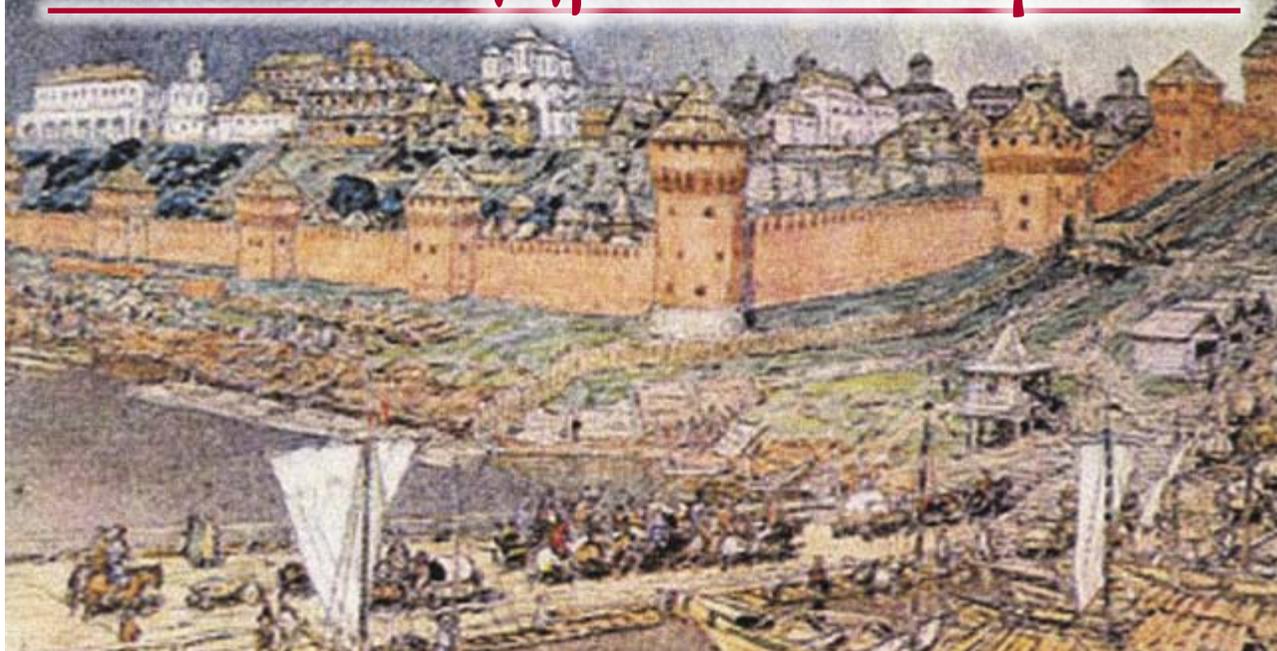
Зашёл внук в дом, а там новая стиральная машинка стоит, и новенький ноутбук экраном мерцает. Обрадовался мальчик. Он давно о таком подарке мечтал. Эта сказка хорошо закончилась, потому что бабушка, в отличие от золотой рыбки, в технике разбиралась, она до пенсии конструктором на радиозаводе работала. Так что волшебство волшебством, а без образования в наше время даже в сказке не обойтись.

Прошли годы. Мальчик вырос, выучился, стал инженером. Всё может в доме починить. О таком человеке говорят: у него золотые руки, он сам себе волшебник.

Города Древней Руси

Кремль при Иване III

Думаете, город — это стены, улицы и дома? Ошибаетесь. Город, как и всякая форма искусства, в первую очередь — отображение духа народа, его создавшего. Изучив очертания города, мы увидим цельную систему духовных ценностей, определившую развитие городского организма. Древнерусский город, создававшийся во времена «осознанной» духовности, являл собой яркий пример полной зависимости формы от внутреннего духовного содержания, содержания не просто духовного, но православного.

К концу XII века на Руси существовало более двухсот городов.

Большинство городов строилось у рек — главных в то время путей сообщения. Вместо реки довольствовались иногда крутыми обрывистыми оврагами, а в лесистых и болотистых

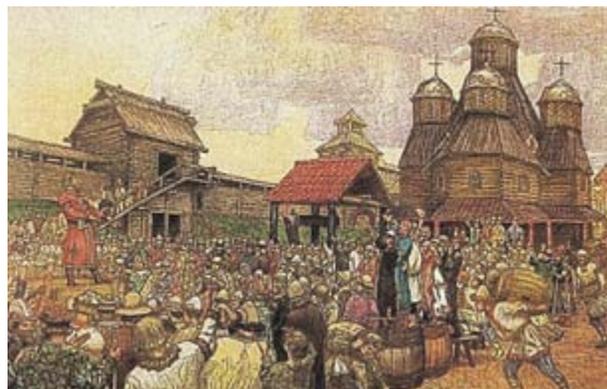
землях Северной Руси — невысокими холмами. Кремль строился обычно на возвышении, чаще всего на мысу у слияния двух рек. Посады формировались у подошвы холма, поблизости от пристаней, естественных затонов и бухт.

Древнерусские города были небольшими — в них редко было больше трёх-пяти тысяч жителей, в большинстве городов жило не больше тысячи человек. Киев, с населением в пятьдесят тысяч человек, по иностранным свидетельствам, был для своего времени городом-гигантом. В это же время в Новгороде проживало до тридцати тысяч человек. К большим городам также относились Чернигов, Владимир Волынский, Владимир-наКлязьме, Галич, Полоцк, Смоленск.

На Руси кремль представлял собой изначальное ядро и центр тяготения всего городского организма, занимая главное место в его компо-

Стены древнего города над рекой Яуза (старая Москва)

Вече во Пскове

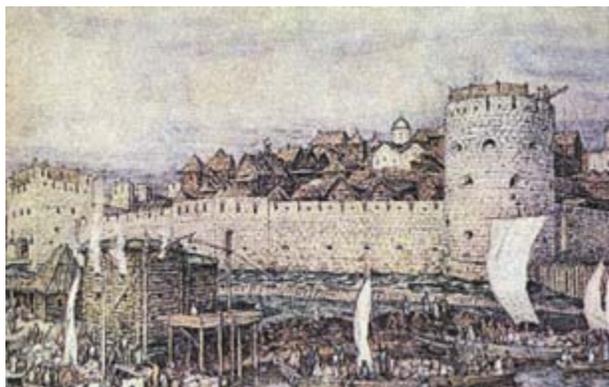
зиции. Он не противостоял городу, не выделялся из общей оборонительной системы, даже главный въезд в него всегда был обращён к посадам, и через них кремль сообщался с внешним миром, что, заметим, было невозможно для западноевропейского замка. Кремль всегда являлся архитектурным и идейным центром древнерусского города, вмещавшим в себя наиболее монументальные здания во главе с собором.

Собор был символом города, его главой, центром общественной городской жизни. Во всех русских городах без исключения собор выделялся среди других зданий величием и красотой внешнего убранства. Дворцовые постройки всегда были значительно ниже соборов и не намного поднимались над стенами кремля, а чаще вообще не были видны из-за стен. Городской собор располагался на самом возвышенном и самом живописном месте, часто для наилучшего обзора — над обрывом. Самый высокий русский собор XII века — Успенский во Владимире — был менее тридцати трёх метров в высоту. Однако расположение на возвышенности позволяло видеть собор с любого расстояния практически из каждой точки города.

Кроме главного собора в городах всегда строилось огромное количество небольших церквей и часовен. Иностранцы, побывавшие в Киеве в начале XI века, насчитывали на его территории около четырёхсот храмов, при том, что город занимал не более ста гектаров. Веком позже, по летописному свидетельству, в Киеве было уже шестьсот церквей.

В город вели ворота. И чем больше был город — тем больше было ворот. Главные ворота, как, например, в Киеве, Владимире и Новгороде, часто увенчивались надвратными церквями.

Монастыри, подобно спутникам, окружали каждый русский город. Всего к XIII веку на Руси существовало более семидесяти монастырей. Чаще всего монастырь строился на берегу реки в одном-двух километрах от города. Центром монастыря также был собор, располагавшийся в середине обнесённой стенами территории в окружении дворов и подсобных служб.

Московский кремль во времена Дмитрия Донского

На Руси XI–XIII веков недалеко от крупных городов часто находились княжеские усадьбы. Построенная рядом с городом, усадьба становилась частью городской композиции — традиционный для неё большой храм как бы «перекликался» с городским собором.

Одной из важнейших частей города на Руси всегда считался торг. На торжищах больших городов обязательно сооружались церкви, чаще всего во имя святой Параскевы Пятницы и святителя Николая Чудотворца.

Русские города были в основном деревянными. Если города Греции или Италии могли обходиться каменными зданиями без сложной системы отопления, то Древней Руси необходимы были теплые и сухие строения, самым удобным материалом для которых служил лес. Считалось, что жить в каменных домах вредно для здоровья. От великого князя до ремесленника и простого крестьянина русские люди предпочитали жить в небольших деревянных домах. Строились они подальше от улицы — глубоко внутри огороженных плетнём и тыном дворов. Просторные дворы располагались по склонам не столько ради красоты, сколько из соображений санитарии. В ограду вело, как правило, не менее трёх ворот, над главными из которых зажиточные люди ставили образа в киотах. Обязательными постройками были бани, ледники, хлева с сенниками, навесы, клетки для хранения инвентаря, а также различные мастерские. К главным постройкам, часть которых иногда выходила на улицу, от ворот вели настилы из деревянных плах.

Среди городских строений выделялись ограждённые высоким тыном боярские и княжеские дворы. Богато украшенные резьбой господские хоромы состояли из ряда зданий, пристроенных друг к другу или соединённых переходами. Выдающейся частью хором были терема (башни с комнатами для женщин) и вежи (вышки). Множество подсобных помещений господских дворов также вмещало медуши для хранения мёда, погреба, бани и даже темницы — порубы.

Окончание см. в следующем номере

Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке

Рассказы-горошины

Решение

Вожак-Павиан лежал на мягких пальмовых листьях и размышлял: «Сегодня надо решить, как накормить мою стаю». — Тут у него зачесался нос, и он отвлекся от своих дум.

«Значит, так! — продолжил он свою мысль. — Скоро начнутся продолжительные ливни, надо ещё и дом починить, не то все промокнем».

И опять у него зачесался нос.

Павиан зевнул, потянулся, закрыл глаза и призадумался:

«Та-ак, на чём я остановился? Ах, да — почесать нос».

И он крепко заснул.

Рассуждение мышей

— **П**осмотрите, как много дорог вокруг, — расшумелись мыши, — и все куда-то ведут, и где-то они заканчиваются? Давайте проверим!

И мыши побежали по дороге. Бежали, бежали и примчались к дому, а дорога ещё дальше идёт до самой кухни. Тут они сухарик наши, наелись досыта и сказали:

— Все дороги ведут к еде!

О Ашипки

Из сочинений на произведения
Н. Некрасова

Всех, кто мешал ему везти дрова, малюточка посылал басом.

Дед вылечил зайца и стал жить у него.

34 Его произведения носят плачевный характер.

Зайчик своим выражением лица звал на помощь.

Муза Некрасова — олицетворение конца всему.

Некрасов сказал о русской женщине, что она коня на скаку остановит, и с ним в горящую избу зайдёт.

Он шел назад разболтанной, какой-то рыдающей походкой... Задняя мысль стояла, как прут, в рассыревшей его душе.

Котлета

Щенок спит, лапы возле морды держит, чмокает и что-то жуёт.

Котёнок, который был рядом, разбудил его и спрашивает:

— Ты почему всё время громко жуёшь, меня беспокоишь.

— Мне снилось, что я ел большую сочную котлету, но не доел её. Ты разбудил меня!

Котёнок облизнулся и сказал:

— Разреши, я лягу на твоё место и доем твою котлету?

— Пожалуйста, мне не важно, — ответил Щенок.

Котёнок свернулся клубочком на тёплом месте, где спал Щенок, закрыл глаза и, довольный, заснул.

Шшш! ТТТттт!

Котёнок спит, а сам лапками шевелит, словно бежит от кого-то.

Разбудила его мама Кошка:

— Что с тобой случилось, сынок? — спрашивает она. — Ты весь измучился и хвостик спрятал под себя.

— Мне приснилась Собака, — отвечает Котёнок, — большая, лохматая, меня чуть не схватила.

— Не бойся, это сон! — успокоила его Кошка, — а ты, чтобы спокойно спать, на Собаку зашип: ТТТттт! ТТТттт! Она испугается и убежит.

Послушался Котёнок Маму, свернулся калачиком, хвост положил рядом с мордочкой, глазки зажмурил.

Громко зашипел «ТТТттт! ТТТттт!» и вскоре сладко замурлыкал.

Некрасов создает Музу совершенно новую, не добрую бабушку, а пьяную ведьму...

На переднем плане этой картины сидят две перевернутые килем вверх девочки.

На крыше было много голубей. Человек сорок.

На тонкой, увитой сухожилиями шее, моталась обыкновенная голова.

Небо Аустерлица переломило Болконского пополам.

Но в этом городе есть и такие люди, которые своими пошлостями загрязняют окружающую среду.

Он взял нож, и застрелился.

Он склонился перед своей высокой худощавой фигурой и как бы замер.

Он увидел следы копыт и навоз. Это значит, что здесь прошли красные.

Зайцы тихо сидели под кустом сложа руки.

В декабре 2010 года по инициативе руководителя НЦССХ им. А. Н. Бакулева — известного кардиохирурга академика Л. А. Бокерия — усилиями Благотворительного фонда «Грани таланта» и волонтерской группы студентов факультета «Дизайн» Московского государственного университета дизайна и технологии (МГУДТ) был открыт центр творческой реабилитации для детей, перенёсших тяжелые операции на сердце.

В Научном центре проходят лечение дети с врождёнными пороками сердца. Дети, лишённые, в силу своего заболевания, многих радостей детской жизни и перенёсшие тяжёлую операцию на сердце. Дети, которые нуждаются в творческой реабилитации, любят и хотят рисовать с учителями-студентами. Каждую неделю студенты отряда «Рисунки сердца» посещают кардиоцентр и занимаются с маленькими пациентами.

Занятия в центре творческой реабилитации проводятся волонтерами еженедельно по четвергам, чтобы не мешать лечению, которое дети проходят в больнице.

Нами накоплен большой опыт творческих занятий, учитывающих специфику работы с детьми, имеющими тяжёлые врожденные пороки сердца и находящимися на лечении в стационаре. Средства и программы Благотворительного фонда исчерпали себя, но мы хотим продолжить эту работу, реализовать собственные планы и идеи. Среди них организация новогоднего представления для маленьких пациентов центра, мастер-класс И. Б. Волкодаевой по изготовлению тряпичных кукол и несколько тематических занятий, посвящённых изучению различных техник декоративно-прикладного искусства.

А в заключение хочется сказать, что, несмотря на то, что это работа ответственная и морально «нелёгкая», она оставляет в нашем сердце бесконечную теплоту и искреннюю радость от того, что мы можем сделать в этом огромном мире капельку светлого и доброго. Лучшей благодарностью будут светящиеся детские глаза. И мы ждём встречи с детьми так же, как и они ждут нас.

*Руководитель студенческого отряда
Напреенко Лидия Сергеевна.*

*Руководители от университета
Тишина Марина Владимировна и Грязева
Ирина Витальевна.*

НАШ ВЕРНИСАЖ

1

4

Работы пациентов
Научного Центра
Сердечно-Сосудистой хирургии
имени Бакулева

1. Зайцев Ваня, 10 лет
3. Алматова Надя
5. Максим, 5 лет
4. Иванова Кристина, 8 лет
2. Садовский Артемий, 8 лет
6. Карацилька Вова, 1,5 года

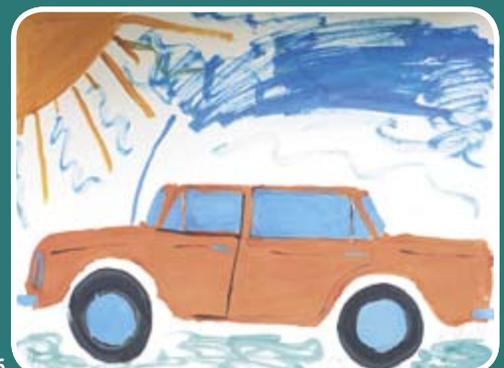
2

5

3

6

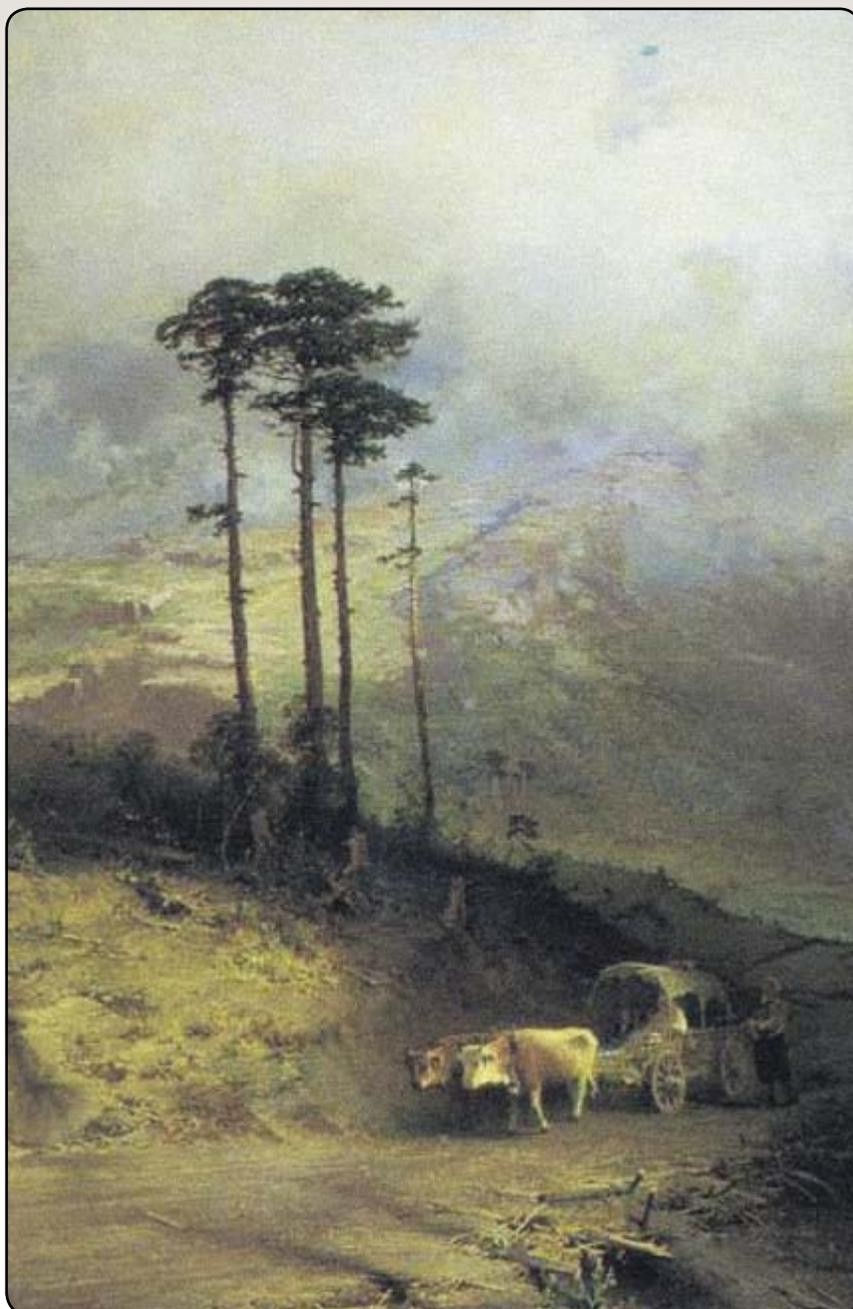
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:
Не по зубам

«Немногие бы не испугались той огромной цели, которую я решил либо достигнуть, либо умереть».

Фёдор Васильев

«Он открыл нам небо».

Николай Ге

Ф. А. Васильев. В Крымских горах. 1873 г.

РАССКАЗЫ:
Лютый

РАССКАЗЫ-ГОРОШИНЫ

УГОЛОК РОССИИ:
Чуйский тракт